

Н и к о л а й I

Двадцать первого февраля 1855 г. в русских газетах появилось сообщение, поразившее не только миллионы российских подданных, но и весь мир. Это был манифест о кончине императора Николая I. За тридцать лет царствования этого самодержца его имя в сознании современников стало неотделимо от понятия "Россия". "Когда говорят о России, то при этом говорят об императоре Николае", — заметил как-то Меттерних в одном из писем к австрийскому посланнику в Петербурге графу Фикельмону. Так что в реальность происшедшего верилось с трудом. Тем более что ничто, казалось, не предвещало смерти этого еще вполне крепкого и на вид здорового 58-летнего мужчины, гордившегося своей физической силой и мощной фигурой, привыкшего к спартанскому образу жизни и редко жаловавшегося на болезни. К. Д. Кавелин писал Т. Н. Грановскому 4 марта из Петербурга в Москву: "До сих пор как-то не верится! Думаешь, неужели это не сон, а быль?" В те же дни Д. А. Оболенский писал М. П. Погодину: "Хотя я сам сегодня прикасался к останкам покойного государя, но, признаюсь, до сих пор не верится, что его уже нет. Воображаю, как изумлена будет Москва, вся Россия".

Ошеломление, вызванное известием о смерти императора, усугублялось и тем, что до самого последнего дня болезнь Николая держалась в тайне. Как свидетельствует в своем дневнике фрейлина двора А. Ф. Тютчева, "до 17-го даже петербургское общество ничего о ней не знало". Что же говорить об остальной России?

Официальное сообщение о смерти властителя огромной империи появилось в газетах с опозданием на три дня. Император был мертв, а опубликованный 19 февраля в газетах "Бюллетень № 4" сообщал только об "угрожающем Его Величеству параличном состоянии легких".

Смерть Николая вызвала в обществе разные чувства. Были и такие, кто испытывал искреннюю скорбь и чувство невосполнимой утраты. Но все

же подавляющее большинство облегченно вздохнуло.

Сдержанная В. С. Аксакова так писала о смерти Николая I, выражая, конечно, не только свой личный взгляд, но и настроения близкой ей славянофильской среды: "Все говорят о государе Николае Павловиче не только без раздражения, но даже с участием, желая даже извинить его во многом. Но между тем все невольно чувствуют, что какой-то камень, какой-то пресс снят с каждого, как-то легче стало дышать; вдруг возродились небывалые надежды, безвыходное положение, к сознанию которого почти с отчаянием пришли наконец все, вдруг представилось доступным изменению". Много резче писал о смерти Николая I К. Д. Кавелин: "Калмыцкий полубог, прошедший ураганом, и мечом, и катком, и терпугом по русскому государству в течение 30 лет, вырезавший лица у мысли, погубивший тысячи характеров и умов, истративший беспутно на побрякушки самовластия и тщеславия больше денег, чем все предыдущие царствования, начиная с Петра I, — это исчадие мундирного просвещения и гнуснейшей стороны русской природы — околел наконец, и это суцая правда". По свидетельству современников, это письмо передавалось из рук в руки и "вызывало полное сочувствие".

Почему же царствование, при котором Россия прочно занимала одно из ведущих мест среди мировых держав, а ее армия, в то время самая большая в мире, казалась одновременно и самой сильной, когда блеск петербургского двора ошеломлял иностранцев, а рассказы о богатстве императорских дворцов напоминали восточные сказки, имело столь печальный итог? Однако обо всем по порядку.

Рождение

Николай I родился в Царском Селе 25 июня (6 июля) 1796 г. Он был третьим сыном великого князя Павла Петровича и его жены Марии Федоровны. О рождении нового великого князя жители Царского Села узнали по пушечной пальбе и колокольному звону, в Петербург же с радостным известием был послан нарочный.

Рождение сына у наследника престола в полдень того же дня было

отмечено торжественным молебствием в царскосельской придворной церкви. Оно было совершено в присутствии Екатерины II и всего двора. После молебна придворные чины приносили поздравления императрице и были допущены "к руке". Павел отслужил молебен еще ранним утром и тогда же принимал поздравления придворных. В тот же день в Царскосельском дворце состоялся парадный обед "на 64 куверта", а 29 июня (10 июля), в день тезоименитства Павла Петровича, состоялся большой бал с приглашением "особ первых пяти классов".

Новорожденный великий князь отличался необыкновенными размерами. В день его рождения бабка, Екатерина II, писала Гримму: "Сегодня в три часа утра мамаша (то есть Мария Федоровна) родила большущего мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него — бас, и кричит он удивительно, длиною он аршин без двух вершков, а руки у него немного меньше моих. В жизни моей первый раз вижу такого рыцаря. Если он будет продолжать, как начал, то братья его окажутся карликами перед этим колоссом".

Екатерина оказалась в какой-то степени пророчицей. Николай впоследствии действительно превратился в статного мужчину, обладавшего величественным видом и таким голосом, от которого слабонервные, попадись они императору под горячую руку, просто падали в обморок. Оказалось как нельзя кстати и слово "рыцарь". Все свое царствование Николай ощущал потребность в рыцарской ауре и вносил ее всюду — от устройства рыцарских турниров и архитектурного стиля (Коттедж в Петергофе) до рыцарства (как он его понимал) в политике (сохранение верности идеалам, хотя они и противоречили политическим выгодам).

Крещение новорожденного было совершено 6(17) июля, и он был наречен Николаем — именем, которого не бывало прежде в русском императорском доме. На это обратили внимание современники. Восприемниками при крещении были старшие брат и сестра младенца — будущий император Александр I и великая княгиня Александра Павловна. Перед окончанием литургии на новорожденного были

возложены знаки ордена Андрея Первозванного, которым при рождении награждались все великие князья. После обряда крещения состоялся еще один парадный обед, теперь уже "на 174 особы", а вечером — придворный бал, продолжавшийся до десяти часов вечера. На этом торжества по случаю рождения Николая Павловича окончились.

Воспитание

Воспитание великого князя, по традиции, было поручено сперва женщинам. В ноябре был утвержден штат новорожденного великого князя, который возглавила статс-дама Шарлотта Карловна Ливен. Кроме нее в штат вошли три дамы-гувернантки: Ю. Ф. Адлерберг, Е. Синицына и Е. Панаева; няня — шотландка Евгения Васильевна Лайон (в замужестве Вечеслова); кормилица — красносельская крестьянка Ефросинья Ершова; две камер-юнгферы — Ольга Никитина и Аграфена Черкасова; две камер-медхен — Пелагея Винокурова и Марья Перьякова и два камердинера — Андрей Валуев и Борис Томасон. При великом князе состояли также лейб-медик доктор Бек, аптекарь Ганеман и зубной врач Эбеланг. В раннем детстве особое влияние на мальчика оказала его няня Лайон. Женщина с сильным характером, очень привязанная к своему воспитаннику, она смогла внушить ему в первые же годы жизни понятие о долге, чести, о рыцарских добродетелях. Но она же, вероятно, передала мальчику и некоторые свойственные ей предрассудки. Так, находившаяся в Варшаве во время восстания Костюшко в 1794 г. и испытавшая тогда сильное нервное потрясение, Евгения Лайон навсегда возненавидела поляков и евреев и внушила те же чувства маленькому Николаю.

Как было принято в то время, Николай с колыбели был записан в военную службу. 7 (18) ноября 1796 г. он был произведен в полковники и назначен шефом лейб-гвардии Конного полка. Первому батальону этого полка было присвоено его имя. Тогда же он получил свое первое жалованье — 1105 рублей.

Известно, как сложны были отношения Павла I с его старшим сыном

Александром, будущим императором. Павел ненавидел свою мать, которая отвечала сыну тем же и всю свою любовь перенесла на старшего внука. Павел не без оснований подозревал, что Екатерина хочет, минуя его, передать права на российский престол Александру. Понятно, что отношения Павла с Александром и отчасти с Константином были далеко не простыми. Иное дело — младшие дети (в 1798 г. у Павла родился еще один сын — Михаил). Павел страстно любил их, отдавая особое предпочтение Николаю. Он часто играл с детьми, уделяя им немалую долю своего досуга. Характерно, что первой игрушкой, купленной Николаю, как явствует из приходно-расходной книги, было деревянное ружье, приобретенное в августе 1798 года за 1 руб. 50 коп. Затем купили и четыре деревянные шпаги. В апреле 1799 года великий князь впервые надел военный мундир лейб-гвардии Конного полка. Словом, военный обиход окружал будущего русского императора с самых первых шагов.

Николаю не было и пяти лет, когда он лишился отца, убитого 11 марта 1801 г. в результате заговора. Вскоре после этого воспитание Николая переходит из женских рук в мужские, а с 1803 года его наставниками становятся почти исключительно мужчины. Главный надзор за его воспитанием был поручен генералу М. И. Ламздорфу. Вряд ли можно было сделать более неудачный выбор. По мнению современников, "он не обладал не только ни одною из способностей, необходимых для воспитания особы царственного дома, призванной иметь влияние на судьбы своих соотечественников и на историю своего народа, но даже был чужд и всего того, что нужно для человека, посвящающего себя воспитанию частного лица". Он старался только о том, чтобы переломить воспитанника на свой лад и "идти наперекор всем наклонностям, желаниям и способностям" Николая. Его и воспитывавшегося с ним Михаила "на каждом шагу останавливали, исправляли, делали замечания, преследовали моралью или угрозами". Будущий император рос вспыльчивым, упрямым и непослушным. Почти каждая игра с участием Николая кончалась скандалом — то он бил своих товарищей, то ломал их игрушки. Великий князь органически не терпел положения,

когда не он, а кто-либо из его сверстников занимал ведущее положение. Тогда он пытался восстановить свое первенство силой. Способности его были не выше средних, и поэтому он добивался лидерства преимущественно насилием. Николай был совершенно лишен чувства юмора и не понимал шуток. Он никогда не признавал своих ошибок. Но это вряд ли оправдывает методы воздействия на него Ламздорфа: он позволял себе бить Николая линейкой и даже ружейными шомполами. Наказывали великих князей и розгами. Впрочем, это было известно матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, и заносилось на страницы ежедневного журнала, который вели воспитатели. Как рассказывал впоследствии сам Николай I своему сыну Александру (будущему императору Александру II), Ламздорф не раз хватал его за грудь или за воротник и так ударял об стену, что он почти лишался чувств.

Все сыновья Павла I унаследовали от отца страсть к внешней стороне военного дела: разводам, парадам, смотрам. Но особенно отличался Николай, испытывавший к этому чрезвычайную, иногда просто непреодолимую тягу. Едва он вставал с постели, как тут же принимался с братом Михаилом за военные игры. У них были оловянные и фарфоровые солдатки, ружья, алебарды, гренадерские шапочки, деревянные лошадки, барабаны, трубы, зарядные ящики. Страсть к фронту, преувеличенное внимание к внешней стороне армейской жизни, а не к ее сути сохранились у Николая на всю жизнь.

28 мая 1800 г. Николай был назначен шефом лейб-гвардии Измайловского полка и с тех пор носил исключительно Измайловские мундиры. Шили их для него в каких-то невероятных количествах, что наводит на подозрение касательно честности его воспитателей. В приходно-расходных книгах значится, что в 1802 году для великого князя было сшито 16 Измайловских мундиров, столько же в 1803-м, в 1804-м — 12, в 1805-м — 11. В еще больших количествах шили для него фраки (в 1805 г. — 30), закупали орденские ленты и звезды (в 1806 г. куплено 58 Андреевских звезд).

Страсть Николая ко всему военному настолько выходила за рамки разумного, что начинала не на шутку беспокоить императрицу Марию Федоровну. Она неоднократно требовала, чтобы и Николай, и Михаил носили гражданское платье и занимались больше серьезным учением, чем военными забавами. Однако ее усилия оставались тщетными.

Шести лет от роду, в 1802 г., Николай начал учиться вначале русскому и французскому языкам, затем закону Божьему. Ахвердов (один из кавалеров, приставленных к Николаю) начал преподавать великому князю русскую историю и географию, а с 1804 г. обучал его арифметике и сообщал самые общие сведения об артиллерии и инженерном деле. Николая учили также немецкому, английскому, а с 1813 г. латинскому и греческому языкам. Он брал уроки музыки, рисования, верховой езды и фехтования (с 1809 г.) Однако занятия не имели ни общего плана, ни системы.

В 1809 г. было решено сделать обучение Николая и Михаила более серьезным и приблизить его по содержанию к университетскому курсу. Одно время обсуждалась даже мысль послать братьев в Лейпцигский университет, но этому решительно воспротивился их старший брат император Александр I. Он считал, что Николаю и Михаилу будет полезно посещать лекции в новом учебном заведении — Царскосельском лицее, который создавался под его покровительством. Однако и этому не суждено было осуществиться. А как заманчиво представить себе, что в одном классе с Пушкиным и Пушиным, Корфом и Горчаковым оказались бы великие князья Николай и Михаил. Изменило бы это дальнейшую судьбу и тех и других? А судьбу России? И как? Кто знает.

Однако в конце концов было решено продолжить домашнее образование, но на более серьезных началах. В качестве наставников будущего императора были привлечены такие известные ученые, как экономист А. К. Шторх, экономист и правовед М. А. Балугьянский, историк Ф. П. Аделунг, В. Кукольник (отец известного драматурга). Однако Николай испытывал непреодолимое отвращение к отвлеченному знанию и оставался совершенно чужд тем "усыпительным лекциям",

которые ему читали. "Я помню, как нас мучили, — рассказывал он впоследствии М. А. Корфу, — покойный Балугьянский и Кукольник. Один толковал нам на смеси всех языков, из которых не знал хорошенько ни одного, о римских, немецких и Бог знает каких еще законах, другой — что-то о мнимом „естественном праве“. В прибавку к ним являлся еще Шторх со своими усыпительными лекциями о политической экономии, которые читал нам по своей печатной французской книжке, ничем не разнообразя этой монотонии. И что же выходило? На уроках этих господ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздор, иногда собственные их карикатурные портреты, а потом к экзаменам выучивали кое-что в долбежку без плода и пользы для будущего. По-моему, лучшая теория права — добрая нравственность, а она должна быть в сердце, независимо от этих отвлеченностей, и иметь своим основанием религию". Как он уверял своего собеседника, "общие предметы или забываются, или не находят никакого приложения в практике".

Столь откровенное пренебрежение теорией, даже гордость своим неполноценным образованием, звучащая в этих рассуждениях, дает представление об общем отношении к знаниям, которое сформировалось у Николая в годы учения и сохранилось на всю жизнь (рассказ его относится к 1847 г.). Любопытно, что изучение русской истории ограничилось у Николая I самыми элементарными сведениями, которые он почерпнул из занятий с Ахвердовым. Да и они завершились временем Ивана Грозного и Смуты. Не лучше обстояло дело и с всеобщей историей — ее преподавал Николаю учитель французского языка дю Пюже.

Как отличался в этом смысле Николай от своего старшего брата Александра, очаровавшего в свое время интеллектуальную европейскую элиту именно умением вести философскую беседу, поддержать самый тонкий и изощренный разговор! Николай впоследствии также обрел популярность в Европе, но благодаря совсем иным чертам: восхищались великолепием и царственностью манер, достоинством внешнего облика всевластного монарха. Восхищались придворные, а не интеллектуалы. Стремление заземлить все проблемы, сделать их более примитивными,

чем они есть на самом деле, а значит, и более понятными для себя и своего окружения проявилось у Николая I с особенной силой в годы его правления: недаром ему сразу так понравилась своей простотой и навсегда осталась близкой знаменитая уваровская триада — православие, самодержавие, народность.

Формированию подобных представлений во многом способствовало и то поприще, которое предназначалось младшим великим князьям: вряд ли тогда кому-либо могло прийти в голову, что Николаю предстоит в будущем царствовать. Ведь после принятия в конце XVIII века "Учреждения об императорской фамилии" престолонаследие допускалось только по прямой мужской линии. И Николай, будучи вторым братом царствующего императора, практически не имел никаких шансов взойти на престол. Между ним и тронном стоял не только Константин, но и дети, которые могли появиться у обоих старших братьев. Поэтому в условиях, когда всю Европу одна за другой сотрясали войны, военная служба, а следовательно и военное образование казались естественными и неизбежными для Николая и его младшего брата Михаила.

Как мы видели, это полностью отвечало желаниям самого Николая. В 1810 году его воспитатель Ахвердов, желая внушить мальчику мысль, что помимо военного поприща есть все-таки и иные достойные занятия в жизни, задал ему сочинение на тему: "Доказать: что военная служба не есть единственная служба дворянина, но что и другие занятия для него столько же почтенны и полезны". И что же? Николай просто проигнорировал задание — не написал ни одной строки и, сколько его ни убеждали, решительно отказывался выполнить требуемое. В конце концов Ахвердов вынужден был сам продиктовать Николаю это сочинение, о чем не преминул сообщить Марии Федоровне. Николаю в это время шел пятнадцатый год.

Образование юных великих князей состояло в основном в углубленном изучении точных наук и военных дисциплин: высшей математики, опытной и теоретической физики, а также артиллерии, фортификации и прочего. Изучались также общие основы тактики и стратегии. Самыми

любимыми у Николая Павловича были уроки полковника Джанотти, преподававшего ему инженерную часть. Это во многом определило его дальнейшую специализацию — руководство инженерными подразделениями русской армии.

Впрочем, систематические занятия завершились довольно рано — в 1813 г. И затем Николая либо вовсе не обременяли учением, либо он слушал небольшие отдельные курсы.

В начале 1814 г. младшие братья Александра I отправились в действующую армию, чего Николай безуспешно пытался добиться с самого начала военных действий в 1812 г., но чему противилась императрица Мария Федоровна. Однако на войну они опоздали и попали в Париж уже после падения Наполеона. За границей великие князья пробыли почти год, побывав в Брюсселе, Гааге, Амстердаме и Берлине. В Берлине Николай познакомился со своей будущей женой, прусской принцессой Шарлоттой. Выбор невесты был вовсе не случаен. Павел давно мечтал укрепить отношения России и Пруссии династическими узами, и Мария Федоровна спустя много лет после смерти мужа сумела осуществить его завет.

В 1815 г. братья вновь получили разрешение прибыть в действующую армию в связи с высадкой Наполеона во Франции и возобновлением военных действий. Однако и на этот раз побывать в настоящем деле им не довелось. Они сопровождали Александра I во время похода на Париж и прожили там почти три месяца. На обратном пути в Россию в Берлине состоялась помолвка Николая с принцессой Шарлоттой.

Пребывание младших сыновей в действующей армии и то впечатление, которое могли произвести на них армейские порядки, усилив их страсть к военному делу, очень тревожило императрицу Марию Федоровну. В своих письмах она вновь и вновь предостерегала их от увлечения тем, что, как она писала, постоянно будет у них перед глазами. Она не без оснований опасалась, что предпочтение всего военного, и так сильное в братьях, еще возрастет и нанесет серьезный ущерб. Того же опасался и герой Отечественной войны 1812г. генерал П. П. Коновницын, которому с 1814

г. было поручено возглавлять военное обучение великих князей. Расставаясь с ними в 1816 г., он написал им прощальное письмо, в котором были такие строки: "Помните... что блаженство народное не заключается в бранях, а в положении мирном; что положение мирное доставляет счастье, свободу, изобилие посредством законов и, следовательно, изучение оных, наблюдение за оными есть настоящее, ответственное и неразлучное с званием вашим дело".

Для завершения образования весной 1816 г. было решено, что Николай совершит две поездки, одну — по внутренним губерниям России, другую — в Англию. 9 мая 1816 г. Николай выехал из Петербурга и вернулся обратно только к концу августа, посетив более 10 губерний. Во время путешествия Николай вел два журнала (так было определено императрицей-матерью) — "Общий журнал по гражданской и промышленной части" и "Журнал по военной части". В первый он старательно заносил те сведения, которые ему предоставляли во всех губерниях местные власти, во втором отразилось то, что привлекало его внимание при осмотре воинских частей. Характерно, что почти все замечания, в последнем журнале, как писал М. А. Корф, относились "до одних неважных внешностей военной службы, одежды, выправки, маршировки и проч. и не касаются ни одной существенной части военного устройства, управления или морального духа и направления войска. Даже о столь важной стороне военного дела, какова стрельба, нет нигде речи, о лазаретах же, школах и тому подобном упоминается лишь вскользь, чрезвычайно кратко". Впоследствии, став императором и усиленно насаждая в армии муштру, шагистику, слепое повиновение, Николай добился только одного: несмотря на блестящие отчеты военного министерства и внешний блеск армейского строя, армия стала практически небоеспособной. Один из главных виновников поражения русских войск в Крымской войне А. С. Меншиков незадолго до ее начала, после небольших маневров, проведенных в окрестностях Севастополя, с горечью записал в своем дневнике: "Увы, какие генералы и какие штаб-офицеры: ни малейшего не заметно понятия о военных действиях и

расположении войск на местности, об употреблении стрелков и артиллерии. Не дай Бог настоящего дела в поле".

Но эти горькие итоги были еще далеко впереди, а пока, едва переведя дух после возвращения в столицу, великий князь отправился в Англию, чтобы познакомиться с еще одной европейской страной и ее государственным устройством.

В Англии Николай поначалу был принят довольно сухо. Однако, проявив такт и завидное самообладание, великий князь сумел растопить тот ледок, который определял отношения России и Англии после Венского конгресса. Лейб-медик принца Кобургского Стокмар так писал о впечатлении, которое Николай произвел на англичан: "Это необыкновенно пленительный юноша; он выше принца Леопольда, не очень худ и прям, как сосна. Его лицо юношеской белизны с необыкновенно правильными чертами, красивым открытым лбом, красивыми изогнутыми бровями, необыкновенно красивым носом, изящным маленьким ртом и тонко очерченным подбородком... Его манера держать себя полна оживления, без натянутости, без смущения и тем не менее очень прилична. Он много и прекрасно говорит по-французски, сопровождая слова недурными жестами. Если даже не все, что он говорил, было остроумно, то по крайней мере все было не лишено приятности... Во всем он проявляет большую уверенность в самом себе, по-видимому, однако, без претенциозности".

Трудно сказать, какое впечатление произвел на Николая строй конституционной монархии. Хотя известно, что 16 января 1817 г. он посетил парламент, присутствовал при его открытии и слушал прения в верхней и нижней палатах, но никаких свидетельств о том, что он вынес из этого посещения, не сохранилось. Судя по дальнейшему ходу событий, молодой великий князь остался равнодушен к английскому государственному устройству и вполне разделял мысль, высказанную министром иностранных дел К. В. Нессельроде в записке, написанной специально для Николая перед поездкой в Лондон. По мнению дипломата, история Англии и ее политическое устройство настолько

своеобразны, что ни о каком перенесении существующих там государственных институтов на российскую почву не могло быть и речи.

Женитьба

Во время пребывания Николая в Лондоне решился окончательно вопрос о его женитьбе. В январе 1817 г. император Александр I и прусский король обменялись письмами, где подтвердили неизменность своего решения о браке Николая и Шарлотты. В Берлин поехал протоиерей Н. В. Музовский, который должен был подготовить невесту к переходу в православие. И уже 9 июня того же года Николай встречал свою невесту на границе, по обеим сторонам которой были выстроены прусские и русские войска. Впоследствии Александра Федоровна (такое имя Шарлотта получила при крещении) вспоминала, что Николай стоял "у пограничного шлагбаума с обнаженной шпагой во главе войска". Обращаясь к войскам, сопровождавшим невесту, Николай сказал знаменательные слова: "Мои друзья, помните, что я наполовину ваш соотечественник и, как вы, вхожу в состав армии вашего короля" (в 1816 г. прусский король назначил Николая шефом Бранденбургского кирасирского полка).

Конечно, Николай по крови был наполовину немец (и даже более чем наполовину, если считать всех его предков). Но дело не в крови, а в самоощущении национальной принадлежности. Можно ли представить подобные слова в устах чистокровной немки Екатерины II? Разумеется, нет. Дело в том, что Николай не по крови, а по духу, по характеру был более немцем, чем русским: немецкая педантичность, стремление все разложить по полочкам и в этом видеть залог успешного решения всех вопросов часто брали в нем верх. Эти свойства характера будущего императора не укрылись от глаз внимательных современников. Недаром пронизательный А. И. Герцен называл Николая "русским немцем", который тщетно желал обрусеть и который "при первом представившемся случае, когда враждебно встретились интересы России с немецким интересом, предал Россию" (Герцен имел здесь в виду события 1848-1849).

гг. в Европе; но к этому мы еще вернемся).

Тем временем кареты, в которых жених и невеста ехали в Петербург в сопровождении небольшой свиты, медленно тянулись "по невозможным дорогам и при невыносимой жаре" (воспоминания Александры Федоровны). 18 июля кортеж Достиг Царского Села, и Николай с невестой оказались в объятиях Марии Федоровны. Будущая императрица так вспоминала о своем первом появлении в Царскосельском дворце: "Юную принцессу разглядывали с головы до ног и нашли, по-видимому, не столь красивой, как предполагали; но все любовались моей ножкой, моей легкостью походки, благодаря чему меня даже прозвали „птичкой“.

Молодая женщина (она была на два года моложе Николая) не без труда привыкала к новой обстановке. Особенно тяжело она переживала необходимость принять новую веру. Вплоть до 24 июня, когда был совершен обряд перехода в православие, Александра Федоровна, по ее собственному признанию, "не переставала плакать". Но как только она приобщилась святым тайнам, то почувствовала себя "примиренною с самой собою и не проливала более слез".

25 июня, в день рождения Николая, состоялось их обручение. Александра Федоровна впервые надела русское платье — розовый сарафан и бриллиантовые украшения. "Я не носила ни одного бриллианта в Берлине, где отец, — вспоминала Александра Федоровна, — воспитывал нас с редкой простотой". Каждый вечер ее возили по улицам, и белые ночи, которые она видела впервые, казались ей "необычайными, но приятными".

В воскресенье 1 июля, в день рождения невесты, состоялась свадьба. О том, что происходило в этот день в Зимнем дворце, рассказала сама Александра Федоровна: "Я не хочу здесь распространяться о своих личных впечатлениях, но в этот день невозможно пройти их молчанием. Меня одели наполовину в моей комнате, а остальная часть туалета совершалась в Брильянтовой зале, прилегавшей в то время к спальне вдовствующей императрицы. Мне надели на голову корону и, кроме того, бесчисленное множество крупных коронных украшений, под тяжестью

которых я была едва жива. Посреди всех этих уборов, я приколола к поясу одну белую розу. Я почувствовала себя очень, очень счастливой, когда руки наши наконец соединились; с полным доверием отдавала я свою жизнь в руки моего Николая, и он никогда не обманул этой надежды! Остальную часть дня поглотил обычный церемониал, этикет и обед".

Семейная жизнь Николая протекала счастливо. Александра Федоровна боготворила мужа, и размолвки редко омрачали их семейный быт. Правда, она часто хворала, и это накладывало определенный отпечаток на уклад жизни великокняжеской четы, поселившейся в Аничковом дворце.

Служба

Сейчас же после женитьбы, 3(15) июля 1817 г., Николай Павлович был назначен генерал-инспектором по инженерной части и шефом лейб-гвардии Саперного батальона. Этим как бы окончательно была определена сфера деятельности великого князя. Сфера государственной деятельности достаточно скромная, но вполне соответствующая его наклонностям, проявившимся еще в отрочестве. Наблюдательные современники уже тогда отмечали как главную черту Николая его самостоятельность. Упрямство, доставившее так много неприятностей в детские и юношеские годы и самому Николаю, и его воспитателям, перешло в совсем иное качество, весьма пригодившееся ему впоследствии, когда он стал императором. А в те годы, как вспоминал камер-паж Александры Федоровны Дараган, все находилось под обаянием императора Александра, казавшегося "идеалом совершенства", копировали его жесты, перенимали его привычки. "Подражание это у Михаила Павловича выходило немного угловато, — писал Дараган, — ненатурально, а у Константина Павловича даже утрированно, карикатурно. По врожденной самостоятельности характера не увлекался этой модой только один великий князь Николай Павлович". По словам Дарагана, он "не походил еще на ту величественную, могучую, статную

личность, которая теперь представляется всякому при имени императора Николая. Он был очень худощав и оттого казался выше. Облик и черты лица его не имели еще той округлости, законченности красоты, которая в императоре невольно поражала каждого и напоминала изображения героев на античных камнях. Осанка и манеры великого князя были свободны, но без малейшей кокетливости или желания нравиться, даже натуральная веселость его, смех как-то не гармонировали со строго классическими, прекрасными чертами его лица... В павловском придворном кружке он бывал иногда весел до шалости".

Однако сама Александра Федоровна, обладавшая живым характером и склонная к развлечениям, не могла не отметить, что ее муж не слишком охотно принимает в них участие. Она вспоминала, что вдовствующая императрица "журила своих сыновей — Николая и Михаила — за то, что они усаживались в углу с вытянутыми, скучающими физиономиями, точно медведи или марабу. Правда, у моего Николая лицо было слишком серьезно для 21 года, особенно когда он посещал общество или балы". Похоже, что сразу после свадьбы Николай чувствовал себя гораздо более свободным, когда оставался наедине с женой. "Он чувствовал себя вполне счастливым, впрочем, как и я, когда мы оставались наедине в своих комнатах; он бывал тогда со мною необычайно ласков и нежен".

Ничто, как видим, не омрачало тогда счастливой молодости Николая Павловича, но ничто не предвещало и ожидавшего его в недалеком будущем поприща. Он мог позволить себе быть веселым и беззаботным, а античный профиль его не был еще приведен в гармонию с величием императорского звания. Время протекало между военными учениями, светской жизнью и обязанностями, по дворцовому этикету возлагавшимися на великого князя.

17 (29) апреля 1818 г. в великокняжеской семье праздновали рождение первенца Александра — будущего императора Александра II. Ему было суждено войти в русскую историю как царь-реформатор, царствование которого включило в себя "эпоху великих реформ".

Летом 1818 года в жизни Николая Павловича произошло одно событие,

не столь важное, но все же знаменательное: он был назначен командиром бригады 1-й гвардейской дивизии (лейб-гвардии Измайловский и Егерский полки) с оставлением прежней должности генерал-инспектора по инженерной части. Великого князя нисколько не обидела эта скромная, в сущности, сфера его деятельности, закрепленная за ним, казалось, навсегда. Он получил то, к чему стремился, — возможность самостоятельно командовать войсками, проводить учения и смотры.

Однако отношения великого князя с подчиненными ему частями складывались далеко не безоблачно. Он бывал резок и несдержан. В гвардии его не любили. Наиболее резко это проявилось в столкновении Николая Павловича с офицерами лейб-гвардии Егерского полка, происшедшем весной 1822 года во время похода гвардии в Вильну. Оскорбительный разнос, учиненный командиром бригады ротному командиру В. С. Норову за мелкие неисправности в строю, повлек за собой коллективное требование всех офицеров полка, чтобы он, как написал сам Николай командиру дивизии И. Ф. Паскевичу, "отдал сатисфакцию Норову". Таким образом, офицеры требовали дуэли. Конечно, дуэль с великим князем была невозможна, но в знак протеста офицеры так же коллективно подали в отставку. Паскевичу с большим трудом удалось замять это дело.

Престолонаследие

Следует сказать, что к этому времени уже произошли события, резко менявшие положение Николая и открывавшие перед ним перспективы, о каких он не мог и мечтать. Летом 1819 года Александр I впервые прямо сообщил младшему брату и его жене, что намерен через некоторое время отказаться от престола. Николай I и Александра Федоровна, в разное время описавшие беседу Александра с ними на эту тему, изложили ее одинаково. Летом 1819 года в Красном Селе шли большие маневры, в которых участвовала и гвардейская бригада Николая Павловича. Царь присутствовал на маневрах. За обедом у великокняжеской четы, когда

никого, кроме них троих, за столом не было, Александр сказал брату и невестке, что намерен отказаться от престола, а так как брат Константин также отказывается царствовать, то наследником престола будет Николай. Рассказ об этом разговоре в 1825 году занесла в свой дневник Александра Федоровна. Очень близко к ее рассказу, но немного подробнее вспоминал об этой беседе в своих мемуарах Николай I, писавший их в несколько приемов для своих детей в 30-40-е годы. Изложив монолог Александра, он прибавил: "Мы были поражены как громом. В слезах, в рыданиях от этой ужасной, неожиданной вести, мы молчали". На все возражения Николая, что он не чувствует себя способным управлять столь огромной страной, Александр отвечал отказом и приводил брату в пример самого себя: он получил страну в "совершенном запущении", но многое сумел исправить и улучшить, и потому Николай "найдет все в порядке", который ему останется "только удержать".

Об отречении Константина и о том, что был подготовлен манифест о передаче трона Николаю, достаточно подробно говорится в очерке, посвященном Александру I. Отметим здесь лишь то, что повлияло на развитие событий, в которых главным действующим лицом был уже Николай.

Оставаясь неоглашенным, манифест, как оказалось, не имел никакой юридической силы. Это подтвердилось впоследствии событиями ноября 1825 года. Дело на всякий случай было сделано, но продолжало сохраняться в тайне. Кроме императора, Константина и их матери о манифесте в стране знали только три человека: Филарет, А. Н. Голицын, переписывавший документ, и А. А. Аракчеев. Эта-то тайна и стала тем фактором, который создал в 1825 году ситуацию междуцарствия и спровоцировал восстание 14 декабря. Опубликуй Александр в 1823 году законным порядком подготовленный манифест, такой ситуации не возникло бы спустя два года.

Могло ли быть все это полностью скрыто от Николая, как он утверждал потом в своих воспоминаниях? Маловероятно. Слухи о том, что в

Государственный совет, Сенат и Синод присланы запечатанные императорской печатью конверты, содержание которых сохраняется в тайне, весьма заинтриговали в октябре 1823 года петербургское общество. По свидетельству М. А. Корфа, "публика, даже высшие сановники ничего не знали: терялись в соображениях, догадках, но не могли остановиться ни на чем верном. Долго думали и говорили о загадочных конвертах; наконец весть о них, покружась в городе, была постигнута общею участию: ею перестали заниматься". Невозможно поверить, что слухи эти не достигли ушей великого князя, а уловить связь между таинственными конвертами и прямо выраженной волей Александра было, конечно, нетрудно. Однако нет сомнения в том, что документов он не видел и точный их смысл действительно оставался ему неизвестен.

Было, впрочем, еще два лица, которых Александр I счел нужным поставить в известность о документальном оформлении своего намерения сделать Николая наследником престола. Первым был брат Александры Федоровны, прусский принц Фридрих-Вильгельм-Людвиг (будущий германский император Вильгельм I), приезжавший в 1823 году в Россию. Он писал впоследствии: "Один я, по особому доверию ко мне императора Александра, знал об отречении великого князя Константина в пользу Николая. Сообщение это было сделано мне в Гатчине в половине октября 1823 года". Вернувшись в Берлин, принц "доложил об этом королю, к его, короля, величайшему изумлению. Кроме него, никто об этом не слышал от меня ни единого слова". Вторым был принц Оранский (впоследствии нидерландский король Вильгельм II), посетивший Петербург весной 1825 года. М. А. Корф писал: "Государь поверил и ему свое желание сойти с престола. Принц ужаснулся. В порыве пламенного сердца он старался доказать, сперва на словах, потом даже письменно, как пагубно было бы для России осуществление такого намерения. „...“ Александр выслушал милостиво все возражения и — остался непреклонен". Интересно, что, по словам Корфа, принц был связан "особенною дружбою с великим князем Николаем Павловичем". Несмотря на всю конфиденциальность, новость

эта появилась даже в печатном издании — в прусском придворном календаре на 1825 г. Николай Павлович был показан наследником российского престола.

Попробуем теперь представить себе психологическое состояние Николая Павловича в течение последовавших двух лет. Ему уже известно, что вследствие отказа брата Константина царствовать он, Николай, должен в будущем занять российский престол — то ли в результате отречения Александра (о котором вопрос более никогда не поднимался), то ли после кончины старшего брата, еще, скорее всего, весьма отдаленной (заметим также, что в 1825 г. императору было 46 лет и ничто не предвещало краткости оставшихся ему лет жизни). Однако все это продолжает оставаться семейной тайной, и в глазах общества наследником престола, цесаревичем со всеми полагающимися регалиями является Константин. А Николай — по-прежнему всего лишь один из двух младших великих князей, командир бригады. И это поле деятельности, так радовавшее его сперва, уже не может соответствовать его естественным в такой ситуации амбициям. Об этом свидетельствует, в частности, запись в дневнике А. С. Меншикова от 15 ноября 1823 г., передающая рассказ А. Ф. Орлова. Когда Орлов сказал Николаю, своему близкому другу, что "ему хотелось бы отделаться от командования бригадой, Николай Павлович покраснел и воскликнул: „Ты — Алексей Федорович Орлов а я — Николай Павлович, между нами есть разница, и ежели тебе тошна бригада, каково же мне командовать бригадою, имея под своим начальством инженерный корпус с правом утверждать уголовные приговоры до полковника!“ Но дело, конечно, было не только в острой реакции на свое положение вообще и скрытой от всех его двусмысленности.

В феврале 1825 года Николай был наконец назначен командиром 1 -й гвардейской дивизии. Но это недостаточно меняло дело. Он не был даже сделан членом Государственного совета. Может быть, такая ситуация отчасти объясняет неуравновешенность великого князя, делавшую его все менее популярным в гвардии. Но, несомненно, причины этой

непопулярности были глубже и коренились в чертах личности. Декабрист В. И. Штейнгейль в своих "Записках о восстании" передавал слова профессора А. Ф. Мерзлякова, выпукло рисуящие эти черты. Когда в Москве начали циркулировать слухи о состоявшемся отречении Константина и секретном назначении наследником престола Николая, Штейнгейль беседовал на эту тему с Мерзляковым. "Когда разнесся этот слух по Москве, — говорил Алексей Федорович, — случилось у меня быть Жуковскому; я его спросил: „Скажи, пожалуй, ты близкий человек — чего нам ждать от этой перемены?“ „Суди сам, — отвечал Василий Андреевич, — я никогда не видал книги в его руках; единственное занятие — фрунт и солдаты“. „Вообще в это время, — пишет дальше Штейнгейль, — великий князь не имел приверженцев“. Профессор Военной академии генерал А. Э. Циммерман так характеризовал Николая Павловича: „Главным пороком его, конечно, была шагистика „...“, неудержимая детская страсть играть в солдатики. Он бывал несправедлив, мелок, придирчив „...“, за какие-нибудь фронтовые ошибки не щадил в таких случаях ни заслуг, ни лет“.

Декабрист А. М. Булатов в письме из крепости к великому князю Михаилу Павловичу так объяснял непопулярность его брата Николая в обществе: "На стороне ныне царствующего императора была весьма малая часть. Причины нелюбви к государю находили разные: говорили, что он зол, мстителен, скуп; военные недовольны частыми учениями и неприятностями по службе; более же всего боялись, что граф Алексей Андреевич (Аракчеев) останется в своей силе". Очень близок к этому отзыв другого декабриста, Г. С. Батенькова. Он показывал на следствии: "Против особы нынешнего государя я имел предубеждение по отзывам молодых офицеров, кои считали Его Величество весьма пристрастным к фрунту, строгим за все мелочи и нрава мстительного".

Подобная репутация потенциального императора оказала решающее влияние на события, развернувшиеся после смерти Александра I, и на поведение самого Николая. Как рассказывал в своих мемуарах тот же Штейнгейль, "если прямо не присягнули Николаю Павловичу, то

причиной тому Милорадович, который предупредил великого князя, что не отвечает за спокойствие столицы по той ненависти, какую к нему питает гвардия". Перейдем, однако, к самим этим событиям.

Междуцарствие

Известие, что Александр I умирает, получили в Петербурге 25 ноября около четырех часов дня четыре лица.

Это были: статс-секретарь вдовствующей императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламов, председатель Государственного совета князь П. В. Лопухин, петербургский генерал-губернатор граф М. А. Милорадович и дежурный генерал Главного штаба А. Н. Потапов. На состоявшемся вслед за этим совещании Милорадовича, Потапова, командующего гвардией Воинова и начальника штаба Гвардейского корпуса генерала Нейдгардта было решено держать это известие пока в тайне. Вечером того же дня Милорадович сообщил Николаю Павловичу о близкой смерти императора. Последний вспоминал потом: "25-го ноября вечером, часов в шесть, я играл с детьми, у которых были гости. Как вдруг пришли мне сказать, что военный генерал-губернатор граф Милорадович ко мне приехал. Я сейчас пошел к нему и застал его в приемной комнате с платком в руке и в слезах; взглянув на него, я ужаснулся и спросил: „Что это, Михаил Андреевич, что случилось?“ Он мне отвечал: „Ужасное известие“. Я ввел его в кабинет, и тут он, зарывав, отдал мне письмо от князя Волконского и Дибича, говоря: „Император умирает, остается лишь слабая надежда“. У меня ноги подкосились; я сел и прочел письмо, где говорилось, что хотя не потеряна всякая надежда, но что государь очень плох".

Вечером после описанного разговора Николай поехал в Зимний дворец, где застал Марию Федоровну в "ужасных терзаниях". Именно здесь, по его словам, он впервые узнал, что Константин окончательно отказался от короны и что существуют официальные акты, передающие русский престол ему, Николаю.

В официальной записке, составленной позже для цесаревича

Константина по приказанию Николая, говорилось: "Его Императорское Высочество, граф Милорадович и генерал Воинов приступили к совещанию, какие бы нужно принять меры, если бы, чего Боже сохрани, получено было известие о кончине возлюбленного монарха. Тогда Его Императорское Высочество предложил свое мнение, дабы в одно время при объявлении о сей неизречимой потере провозгласить и восшедшего на престол императора, и что он первый присягнет старшему своему брату, как законному наследнику престола".

Однако в действительности все было не совсем так, и эта записка призвана была не столько прояснить истинное положение дел, сколько скрыть его. Ф. П. Опочинин, бывший адъютант Константина, человек вполне осведомленный, рассказал декабристу С. П. Трубецкому, как на самом деле протекала эта беседа генералов с великим князем Николаем Павловичем. Когда последний заявил Милорадовичу и Воинову о своем праве на престол и намерении его занять, рассказывал в своих мемуарах Трубецкой, "граф Милорадович ответил наотрез, что великий князь Николай Павлович не может и не должен никак надеяться наследовать брату своему Александру в случае его смерти; что законы империи не позволяют государю располагать престолом по завещанию, что притом завещание Александра известно только некоторым лицам и неизвестно в народе: что отречение Константина также не явное и осталось необнародованным; что император Александр, если хотел, чтобы Николай наследовал после него престол, должен был обнародовать при жизни своей волю свою и согласие на нее Константина; что ни народ, ни войско не поймет отречения и припишет все измене, тем более что ни государя самого, ни наследника по первородству нет в столице, но оба были в отсутствии; что, наконец, гвардия решительно откажется принести Николаю присягу в таких обстоятельствах, и неминуемым затем последствием будет возмущение. Совещание продолжалось до двух часов ночи. Великий князь доказывал свои права, но граф Милорадович их признать не хотел и отказал в своем содействии". С этого момента одним из главных действующих лиц междуцарствия стал М. А. Милорадович.

В томительном ожидании прошло более суток, пока наконец утром 27 ноября фельдъегерь привез известие о кончине Александра I. В этот момент Николай, его мать и жена находились в большой церкви Зимнего дворца. Николай писал потом: "Там дверь в переднюю была стеклянная, и мы условились, что, буде приедет курьер из Таганрога, камердинер сквозь дверь даст мне знать. Только что после обедни начался молебен, знак был дан камердинером Гриммом. Я тихо вышел и в бывшей библиотеке, комнате короля прусского, нашел гр. Милорадовича. По лицу его я уже догадался, что роковая весть пришла. Он мне сказал: „Все кончено, мужайтесь, дайте пример“ — и повел меня под руку. Так мы дошли до перехода, что был за кавалергардской комнатой; тут я упал на стул, все силы меня оставили".

Дальше шло так, как того хотел Милорадович. Известив Марию Федоровну о случившемся, Николай присягнул новому императору Константину, за ним это сделали Милорадович и присутствовавшие генералы. Затем Николай немедленно привел к присяге внутренних и главный дворцовые караулы, а начальника штаба Гвардейского корпуса Нейдгардта послал в Александро-Невскую лавру, где собран был для молебна во здравие Александра гвардейский генералитет во главе с Воиновым (собравшиеся еще не знали о кончине императора). Вскоре полки повсеместно стали присягать Константину.

Когда Николай сообщил о совершенной присяге императрице-матери, она в ужасе воскликнула: "Что сделали вы, Николай? Разве вы не знаете, что есть акт, который объявляет вас наследником?" Петербургский гарант завещания покойного императора князь А. Н. Голицын во время присяги оказался в лавре. Услышав о смерти Александра, он бросился во дворец. "В исступлении, вне себя от горя, но и от вести во дворце, что все присягнули Константину Павловичу, он начал мне выговаривать, зачем я брату присягнул и других сим завлек, и повторил мне, что слышал от матушки, и требовал, чтобы я повиновался мне неизвестной воле покойного государя. Я отверг сие неуместное требование положительно, и мы расстались с князем, я — очень недовольный его вмешательством,

он — столько же моей неуступчивостью", — вспоминал Николай.

После того как вопреки закону и традиции войска присягнули первыми, надо было организовать присягу правительственных учреждений, и прежде всего Государственного совета. Поскольку один из экземпляров завещания хранился именно там, то вопрос о престолонаследии должен был встать в Совете с особой остротой.

Государственный совет собрался в тот же день, 27 ноября. Голицын сообщил о завещании Александра. Часть членов Совета не склонна была даже знакомиться с завещанием мертвого императора, которое могло привести их к столкновению с живым. Однако большинство настояло на том, чтобы выслушать манифест Александра и письмо Константина. Бумаги были прочитаны, и положение членов Государственного совета стало весьма двусмысленным. Выполняя волю покойного императора, они противопоставили бы себя генералитету, гвардии, наконец, законному наследнику, который мог и отказаться от своего прежнего решения. Члены Государственного совета для разрешения сомнений решили пригласить в Совет Николая. Пошедший за ним Милорадович, вернувшись, сообщил, что великий князь, не будучи членом Совета, не считает себя вправе явиться в таковой. Тогда Совет просил Милорадовича исходатайствовать у великого князя разрешение явиться к нему в полном составе.

Бледный, взволнованный Николай, по свидетельству государственного секретаря А. Н. Оленина, заявил членам Совета: "Господа, я вас прошу, я вас убеждаю, для спокойствия государства немедленно, по примеру моему и войска, принять присягу на верное подданство государю императору Константину Павловичу. Я никакого другого предложения не приму и ничего другого и слушать не стану". В записке Оленина есть существенный момент: Николай четко и ясно объявил членам Государственного совета, что ему известно о содержании манифеста и об отречении цесаревича. Это убедительно подтверждает достоверность воспоминаний С. П. Трубецкого.

Тогда же решили не вскрывать пакет с завещанием, хранящийся в

Сенате, и не знакомить с ним сенаторов. Государственный совет присягнул. Вслед за ним вскоре присягнул и Сенат.

Через четыре года Николай сказал Константину в личной беседе: "В тех обстоятельствах, в которые я был поставлен, мне невозможно было поступить иначе".

Однако Константин был тверд в своем решении никогда не царствовать. Получив известие о смерти Александра, он сам присягнул Николаю как российскому императору и привел к присяге всю Польшу. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что, отказываясь от престола, Константин не сделал это с той решительностью и определенностью, как того требовала ситуация. Он не только не отправился немедленно в Петербург, чтобы своим присутствием лично подтвердить законность вступления на престол Николая, но даже не послал туда официального манифеста, который утвердил бы законность хранившихся в тайне актов. Он ограничился письмами к матери и Николаю. В одном из них (неофициальном) он писал Николаю: "Перехожу к делу и извещаю тебя, что во исполнение воли покойного нашего государя я послал к матушке письмо, содержащее в себе выражение непреложной моей решимости, заранее освященной как покойным моим повелителем, так и нашею родительницею". В двух других (официальных) письмах к императрице Марии Федоровне и Николаю Константин объявил, что уступает брату "право на наследие императорского всероссийского престола". Письма эти увез из Варшавы 26 ноября великий князь Михаил Павлович, оказавшийся там совершенно случайно. Понимая весь драматизм ситуации и двигаясь с максимально возможной скоростью, он прибыл в Петербург 3 декабря. А навстречу ему из Петербурга в Варшаву летел в это же время фельдъегерь, везший письмо Николая к старшему брату от 27 ноября, где сообщалось о совершенной уже в столице присяге Константину. Николай писал: "Предстаю перед моим государем с присягою, которую ему обязан, которую уже и принес ему".

Итак, междуцарствие началось. Но ни Николай, ни Константин не знали еще, что в столице зреет военный заговор и тайная декабристская

организация, существующая уже девять лет, готова вот-вот во всеуслышание заявить о своих намерениях изменить политический и социальный строй страны.

Выяснение отношений между братьями затягивалось. Приехав в Петербург, Михаил немедленно отправился к Марии Федоровне, которая в эти дни стала одной из самых влиятельных фигур. Вот как описывает эти события в своих воспоминаниях сам Николай: "Матушка заперлась с Михаилом Павловичем; я ожидал в другом покое — и точно ожидал решения своей участи. Минута неизъяснимая. Наконец дверь отперлась, и матушка мне сказала:

— Ну, Николай, преклонитесь перед вашим братом: он заслуживает почтения и высок в своем неизменном решении предоставить вам трон.

Признаюсь, мне слова сии тяжело было слушать, и я в том винюся; но я себя спрашивал, кто большую приносит из нас двух жертву: тот ли, который отвергал наследство отцовское под предлогом своей неспособности и который, раз на сие решившись, повторял только свою неизменную волю и остался в том положении, которое сам себе создал сходно всем своим желаниям, или тот, кто, вовсе не готовившийся на звание, на которое по порядку природы не имел никакого права, которому воля братняя была всегда тайной и который неожиданно, в самое тяжелое время и в ужасных обстоятельствах должен был жертвовать всем, что ему было дорого, дабы покориться воле другого? Участь страшная, и смею думать и ныне, после 10 лет, что жертва моя была в моральном, в справедливом смысле гораздо тягче.

Я отвечал матушке:

— Прежде чем преклониться, позвольте мне, матушка, узнать, почему я это должен сделать, ибо я не знаю, чья из двух жертв больше: того, кто отказывается от трона, или того, кто принимает его при подобных обстоятельствах".

Любопытно, что в императорской семье сразу же возникли опасения насчет второй присяги. "Зачем ты все это делал, — говорил Николаю Михаил Павлович, — когда тебе известны акты покойного государя и

отречение цесаревича? Что теперь будет при повторной присяге в отмену прежней и как Бог поможет все это кончить?" Николай пытался рассеять мрачные предчувствия брата, ссылаясь на то, что присяга Константину прошла совсем спокойно. Но Михаил стоял на своем: "Нет, это совсем другое дело: все знают, что брат Константин остался между нами старший; народ всякий день слышал в церквах его имя первым, вслед за государем и императрицами, и еще с титулом цесаревича; все издавна привыкли считать его законным наследником, и потому вступление его на престол показалось вещью очень естественною. Когда производят штабс-капитана в капитаны, это — в порядке и никого не дивит; но совсем иное дело — перешагнуть через чин и произвесть в капитаны поручика. Как тут растолковать каждому в народе и в войске эти домашние сделки и почему сделалось так, а не иначе?"

Между Петербургом и Варшавой шла оживленная переписка. Николай настаивал, чтобы Константин признал себя императором и только потом издал манифест об отречении и провозгласил его, Николая, наследником. Кроме того, он считал необходимым личное присутствие Константина в Петербурге. 5 декабря Михаил Павлович снова отправился в Варшаву. Однако вечером того же дня он встретил по дороге едущего оттуда Лазарева, адъютанта Николая, везшего решительный отказ Константина от всех предложений Николая.

Прочтя письмо, Михаил решил, что ему незачем продолжать свой путь, и остановился на станции Ненналь, в 300 верстах от столицы, ожидая дальнейших событий. В Петербург он вернулся только 14 декабря.

Николаю пришлось смириться с обстоятельствами. Драматизм их усугублялся тем, что за два дня до этого, 10 декабря, будущему императору стало известно о существовании обширного заговора, расследованием которого в строжайшей тайне занимались, как оказалось, еще с августа 1825 года. Первым сообщил ему об этом Аракчеев, не знавший, впрочем, многих подробностей, выяснившихся только во время пребывания Александра на юге. Но и без них Николаю стало ясно, что положение его значительно более шаткое, чем он

предполагал. Он немедленно известил об этой новости Милорадовича и потребовал принять меры. 12 декабря из Таганрога прибыл полковник Фредерике с пакетом от начальника Главного штаба Дибича.

"Пусть изобразят себе, что должно было произойти во мне, — писал Николай в своих записках, — когда, бросив глаза на включенное письмо от генерала Дибича, увидел я, что дело шло о существующем и только что открытом пространном заговоре, которого отрасли распространялись через всю империю, от Петербурга на Москву и до второй армии в Бессарабии.

Тогда только почувствовал я в полной мере тягость своей участи и с ужасом вспомнил, в каком находился положении. Должно было действовать, не теряя ни минуты, с полною властью, с опытностью, с решимостью — я не имел ни власти, ни права на оную".

Но мало этого, в тот же вечер адъютант генерала Бистрома Яков Ростовцев, член тайного общества, сумел передать Николаю личное письмо, в котором заклинал великого князя не принимать престола, что повлекло бы гибельные для России междоусобия. "Противу Вас должно таиться возмущение, — писал Ростовцев, — оно вспыхнет при новой присяге". Как ни неопределенна была эта угроза, но после сообщения Дибича характер предрекаемого "возмущения" был совершенно очевиден для Николая.

По роковому совпадению именно в этот день, как мы уже сказали, в Петербург были привезены последние письма Константина, решавшие вопрос о престолонаследии. Положение было катастрофическим, и надо было действовать. Познакомив Милорадовича, Голицына и Бенкендорфа с бумагами Дибича и поручив выявить и арестовать находившихся в Петербурге названных им членов тайного общества, Николай принял решение о назначении новой присяги на 14 декабря. До этого необходимо было закончить начатую уже работу над манифестом о восшествии на престол. Первоначальный его набросок по указаниям Николая составил адъютант Адлерберг, а над окончательным текстом трудился сперва Карамзин, потом, в качестве основного редактора,

Сперанский.

Готовились и декабристы. К вечеру 12 декабря общий план их действий был готов, обязанности руководителей распределены. С неизбежностью перед декабристами встали болезненные для большинства из них вопросы, связанные с судьбой императорской фамилии, цареубийством. Покушение на Николая должен был совершить Каховский.

Восстание 14 декабря

Наступил решающий день. И хотя созванный накануне вечером Государственный совет принял эту перемену монарха совершенно спокойно, у Николая не было ни малейшей уверенности в благополучном исходе дела. В шесть часов утра он был уже на ногах. Около семи часов собрались гвардейские генералы и полковые командиры. Николай произнес небольшую речь, где объяснил обстоятельства междуцарствия, а потом прочел манифест о своем восшествии на престол, завещание Александра и документы об отречении Константина. Закончив чтение, он обратился к присутствующим с вопросом, нет ли у них каких-либо сомнений. Все единодушно заявили о своем признании его законным монархом. Тогда Николай торжественно провозгласил: "После этого вы отвечаете мне головою за спокойствие столицы, а что до меня, если я буду императором хоть на один час, то покажу, что был того достоин". Слова его, а главное, то достоинство и внутренняя сила, с какими они были произнесены, оказали на слушателей глубокое впечатление.

Аресты произведены не были, а сам масштаб заговора среди расположенных в столице войск был неясен. Кроме того, Михаил Павлович, к которому был послан нарочный, все еще не вернулся в Петербург, а приступить к присяге Сената, Синода и войск в отсутствие единственного члена императорской фамилии, лично видевшегося с Константином и привезшего подтверждение его отречения от престола, было нежелательно. Но откладывать было тоже нельзя. В заключение аудиенции Николай приказал собравшимся у него командирам ехать присягать в Главный штаб, а оттуда в свои части для приведения их к

присяге. Душевное состояние, владевшее новым императором в это утро, проясняют слова, сказанные им ранним утром Бенкендорфу: "Сегодня вечером, может быть, нас обоих не будет более на свете, но, по крайней мере, мы умрем, исполнив наш долг". Еще до встречи с гвардейским генералитетом он написал сестре Марии, герцогине Саксен-Веймарской: "Наш ангел должен быть доволен, воля его исполнена, как ни тяжела, ни ужасна она для меня. Молитесь, повторяю, Богу за вашего несчастного брата: он нуждается в этом утешении, и пожалейте его".

Около восьми часов Николаю сообщили, что церемония присяги Сената и Синода, начавшаяся в семь часов двадцать минут, уже совершилась. Затем начали поступать сведения о присяге первых гвардейских частей — конногвардейцев и первого батальона Преображенского полка. Вслед за ними стали присягать и другие гвардейские полки. Но видимое это благополучие продолжалось еще не более часа.

Готовившееся восстание началось с событий в Московском полку, первым отказавшемся присягнуть Николаю и последовавшем за офицерами-декабристами на Сенатскую площадь. Хотя Михаил Бестужев и Щепин-Ростовский с самого утра начали агитировать солдат, побуждая их к отказу от присяги и выступлению, полк удалось вывести в почти полном составе только к половине одиннадцатого. Командир бригады Шеншин, командир полка Фредерикс и командир одного из батальонов Хвоцинский, пытавшиеся остановить полк, были избиты, и это стало самым грозным симптомом начавшегося в гвардии, опоре империи, реального бунта.

Московцы с заряженными ружьями и боеприпасами еще шли к Сенату, когда до Зимнего дворца с этим известием добрался присутствовавший при столкновении в Московском полку командир Гвардейского корпуса Нейдгардт, как писал потом Николай, "в совершенном расстройстве". "Меня весть сия поразила как громом, — вспоминал он, — ибо с первой минуты я не видел в сем первом слушании действие одного сомнения, которого всегда опасался, но, зная существование заговора, узнал в сем первое его доказательство".

Несмотря на такой жестокий удар, Николай нашел в себе силы тут же приступить к действиям. Он приказал вести к площади присягнувшие полки, а к только что заступившему главному караулу дворца обратился лично, спросив у солдат, ему ли они присягали и готовы ли умереть за него. Когда солдаты дружно заявили о своей верности ему, он сам вывел караул к воротам и вышел на площадь перед дворцом. А на Сенатской площади строилось уже каре Московского полка. Еще до этого он распорядился перевезти своих детей из Аничкова дворца в Зимний, чтобы на всякий случай сосредоточить всю семью в одном месте. На площади, окруженной сбегавшимся со всех сторон народом, он начал читать и разъяснять манифест — нельзя не отдать должное его умению владеть собой в такую грозную минуту. В это время к углу Главного штаба подошел батальон Преображенского полка и прискакал, появившись впервые в этот день, генерал-губернатор столицы Милорадович. Николай рассказывал в своих воспоминаниях: "Поставя караул поперек ворот, обратился я к народу, который, меня увидя, начал сбегаться ко мне и кричать „ура“ „...“ В то же время пришел ко мне граф Милорадович и, сказав: „Дело плохо, они идут к Сенату, но я буду говорить с ними“, ушел, и более его не видал, как отдавая ему последний долг".

Однако в действительности Милорадовичу было приказано ехать в казармы Конногвардейского полка, чтобы привести его на площадь. Прежде чем вступать в переговоры с восставшим полком, он помчался выполнять приказание, а Николай в это время начал лично командовать единственной пока имевшейся у него войсковой частью — батальоном Преображенского полка. Он вывел его к углу Адмиралтейского бульвара, остановил, приказал зарядить ружья и медленно повел их к Сенатской площади. Там вокруг уже более часа стоявшего каре москвичей толпился возбужденный народ, стекавшийся к Сенату со всех сторон. Восставшие ждали подкреплений, но они не подходили. На площади не было предусмотренного планом декабристов командования — ни Трубецкого, ни Булатова. Но дело еще не казалось проигранным, не был уверен в

своей победе и сам Николай. Чаши весов склонялись то в одну, то в другую сторону.

В этот момент на площади появился обуреваемый нетерпением и не дождавшийся поэтому выхода из казарм Конногвардейского полка Милорадович. Он подъехал к самому каре и обратился к солдатам с пламенной речью. Тут-то и раздался выстрел Каховского, смертельно ранивший Милорадовича. За ним последовали разрозненные выстрелы и из рядов солдат. Пролилась первая кровь.

Около половины первого к площади подошли конногвардейцы. Получив наконец серьезное подкрепление, Николай начал располагать войска вокруг площади, хотя их было еще недостаточно для полного ее окружения. Но подходили к нему и новые силы: еще один батальон Преображенского полка, Кавалергардский полк и два эскадрона Коннопионерного полка. На этом этапе Николай рассчитывал еще, окружив своими преобладающими силами каре мятежников и попытавшись убедить их в законности своего права на престол, покончить дело мирно. Насильственное и неизбежное кровавое подавление выступления гвардейских частей в начале царствования не было для него желательным.

Но к этому же времени к площади наконец подошли новые восставшие части. Рота лейб-гренадер, которой командовал декабрист А. Н. Сутгоф, не просто пришла на площадь, но, что было уже крайне опасным признаком, беспрепятственно прошла через стоявшие у набережной конногвардейские и Преображенские части. Вслед за ней на площадь вступил и разместился между строившимся собором и каре Московского полка Гвардейский морской экипаж. Теперь окружившим площадь войскам, верным Николаю, противостояла достаточно мощная воинская сила восставших. И если до этого момента обе стороны не приступали к активным действиям, то тут Николай решил, что ждать больше просто нельзя. Он так рассказал об этом в своих записках: "Выехав на площадь, желал я осмотреть, не будет ли возможности, окружив толпу, принудить к сдаче без кровопролития. В это время сделали по мне залп, пули

просвистали мне чрез голову, и, к счастью, никого из нас не ранило. Рабочие Исаакиевского собора из-за заборов начали кидать в нас поленьями. Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни, и тогда окруженные ею войска были бы в самом трудном положении".

Николай приказал начать кавалерийские атаки. Они были неудачны: лейб-гренадеры и московцы отражали их холостыми зарядами. К двум часам Николаю пришлось отказаться от новых атак. С помощью подошедших к этому времени Измайловского и Семеновского полков удалось завершить окружение восставших войск.

Но положение все еще было настолько неопределенным, что Николай продолжал испытывать тревогу за безопасность семьи и, взяв с собой конвой из кавалергардов, поехал во дворец. Сказав накануне решающего дня жене: "Неизвестно, что ожидает нас. Обещай мне проявить мужество и, если придется умереть, умереть с честью", Николай теперь стремился во что бы то ни стало уберечь семью от подобной угрозы. Приехав во дворец, он распорядился приготовить кареты, на которых можно было в сопровождении охраны из кавалергардов отправить ее в Царское Село.

Это распоряжение было весьма своевременно: как только Николай направился снова к Сенатской площади, произошел один из самых удивительных эпизодов этого дня. Поручик Панов, которому удалось вывести лейб-гренадер, провел их не на Сенатскую площадь, а по Миллионной улице к Зимнему дворцу. И не только подошел к дворцу, но и прорвался через караул в дворцовый двор. Он был на волосок от захвата дворца — последствия этого легко представить. Но там он столкнулся с саперами и не решился на схватку с ними. Лейб-гренадеры снова вышли на Дворцовую площадь, где их увидел подъезжающий в этот момент Николай. Он так вспоминал об этом драматическом моменте: "Подъехав к ним, ничего не подозревая, я хотел остановить людей и выстроить, но на мое „Стой!“ отвечали мне: „Мы — за Константина!“ Я указал им на Сенатскую площадь и сказал: „Когда так, то вот вам дорога“. И вся сия толпа прошла мимо меня, сквозь все войска и

присоединилась без препятствия к своим одинако заблужденным товарищам. К счастью, что сие так было, ибо иначе бы началось кровопролитие под окнами дворца и участь наша была более чем сомнительна".

Между тем короткий зимний день кончался. В половине третьего начало смеркаться. Солдаты на Сенатской площади стояли уже почти пять часов, устали и замерзли. Николай, решившись послать за артиллерией, вернулся на площадь и предпринял последние попытки уговорить восставших. Послав дежурного генерала за артиллерией, он уговорил петербургского митрополита Серафима и киевского митрополита Евгения поехать к мятежным частям. Миссия их была крайне неудачна: крики и угрозы, раздавшиеся из рядов солдат и матросов, заставили их поспешно ретироваться. В это время к восставшим подошла часть лейб-гренадер под командой Панова и был убит пытавшийся их задержать командир полка Стюрлер. Тогда Николай послал последнего парламентаря — Михаила Павловича. Однако вместо того, чтобы обратиться к москвцам, к полку, шефом которого он был, великий князь вынужден был остановиться перед колонной моряков, выстроившейся перед каре. Попытки Михаила убедить солдат тоже не имели никакого успеха.

Время мирных средств миновало, артиллерия под командованием генерала Сухозанета шла к Сенату, но Николай все еще колебался. Картечь, которой так легко было поразить стоявшие ряды восставших, могла вывести их из пассивности. Но не было уверенности в том, не откажутся ли артиллеристы стрелять по своим. И, прежде чем решиться, он послал с последним предупреждением Сухозанета. Но и перед направленными на них орудиями восставшие были тверды. Тогда наконец команда была отдана. "Первая пушка грянула, — писал Николай Бестужев, — картечь рассыпалась, одни пули ударили в мостовую и подняли рикошетами снег и пыль столбами, другие вырвали несколько рядов из фрунта, третьи с визгом пронеслись над головами и нашли своих жертв в народе, лепившемся между колонн сенатского дома и на крышах соседних домов. „...“ Другой и третий выстрелы повалили кучу

солдат и черни, которая толпами собралась около нашего места". Ряды были смяты, восставшие бежали по набережной, по льду, тонули в полыньях, пытались скрыться на соседних улицах. Восстание было разгромлено. Император одержал победу — но какой ценой?

Следствие и суд над восставшими

В тот же день начались аресты членов тайных обществ. Участие в процессе декабристов стало для Николая I первым опытом государственного управления. Он лично отдавал приказания об арестах и распоряжения об условиях содержания декабристов в крепости и на гауптвахте. Он сам допрашивал и руководил ходом дознания. Наряду с журналами Следственного комитета, учрежденного для раскрытия обстоятельств противоправительственного заговора и восстания 14 декабря, сохранились специальные докладные записки, в которых председатель комитета, военный министр А. И. Татищев почти ежедневно, а то и по нескольку раз в день информировал императора о ходе расследования. Записки эти за первый месяц следствия буквально испещрены резолюциями и указаниями Николая — настолько глубоко и тщательно вникал он во все детали. В этой новой для него деятельности закладывались основы его будущих методов управления государством.

Не останавливаясь на подробностях участия Николая в суде и следствии над декабристами, укажем только на его решающую роль в вынесении смертного приговора пяти членам тайного общества. На протяжении всех шести месяцев, пока длилось следствие, Николай не раз публично заявлял, что удивит мир своим милосердием. Однако в душе он, видимо, с самого начала вынашивал мысль о смертной казни зачинщикам заговора и активным участникам восстания. Еще 6 июня 1826 г., за три дня до получения от Верховного уголовного суда его решения, Николай писал Константину: "В четверг (3 июня) начался суд со всей подобающей торжественностью. Заседания идут без перерыва с десяти часов утра до трех часов дня, и несмотря на это, я еще не знаю, приблизительно к какому числу может кончиться. Затем последует казнь — ужасный день, о

котором я не могу думать без содрогания. Предполагаю произвести ее на эспланаде крепости". Это письмо, где речь идет не только о казни как решенном деле, но и о месте приведения ее в исполнение, не оставляет сомнений в том, что решение было принято Николаем еще до окончания судебного разбирательства. Однако император сделал все возможное, чтобы создать впечатление, что не он, а суд был инициатором смертной казни. В подписанном 10 июня докладе Верховного уголовного суда все подсудимые были разделены на разряды по степени их вины. Пять декабристов — П. И. Пестеля, К. Ф. Рылеева, С. И. Муравьева-Апостола, П. Г. Каховского, М. П. Бестужева-Рюмина — суд поставил вне разрядов, приговорив их к смертной казни четвертованием. Тридцать одного декабриста, отнесенного к первому разряду, присудили к смертной казни через отсечение головы. Получив доклад суда, Николай заменил смертную казнь для первого разряда каторжными работами и несколько смягчил наказания по другим разрядам. О тех же, кто был поставлен вне разрядов, Николай писал в указе, данном Верховному уголовному суду 10 июня: "Участь преступников „...“, кои по тяжести их злодеяний поставлены вне разрядов и вне сравнения с другими, предаю решению Верховного уголовного суда и тому окончательному постановлению, какое о них в сем суде состоится".

Но в тот же день, когда Николай старался переложить формальную ответственность за решение о казни пяти декабристов на других, начальник Главного штаба И. И. Дибич по его поручению писал председателю Верховного уголовного суда П. В. Лопухину:

"Милостивый государь князь Петр Васильевич. В Высочайшем указе о государственных преступниках на докладе Верховного уголовного суда, в сей день состоявшемся, между прочим в статье 13-й сказано, что преступники, кои по особенной тяжести их злодеяний не вменены в разряды и стоят вне сравнения, предаются решению Верховного уголовного суда и тому окончательному постановлению, какое о них в сем суде состоится.

На случай сомнения о виде казни, какая сим преступникам судом

определена быть может, государь император повелеть соизволил предварить Верховный суд, что Его Величество никак не соизволяет не только на четвертование, яко казнь мучительную, но и на расстреляние, как казнь, одним воинским преступлениям свойственную, ни даже на простое отсечение головы и, словом, ни на какую казнь, с пролитием крови сопряженную". Таким образом, предписание Николая без всяких отклонений определяло и способ казни. Но пока она не свершилась, им продолжала владеть тревога. Вот что писал он через два дня матери:

"Дорогая и добрая матушка, приговор произнесен и объявлен виновным. Трудно передать то, что во мне происходит; у меня прямо какая-то лихорадка, которую я не могу в точности определить. К этому состоянию примешивается чувство какого-то крайнего ужаса и в то же время благодарности Богу за то, что он помог нам довести этот отвратительный процесс до конца. У меня положительно голова идет кругом. Если к этому еще добавить, что меня бомбардируют письмами, из которых одни полны отчаяния, другие написаны в состоянии умопомешательства, то уверяю вас, дорогая матушка, что одно лишь сознание ужаснейшего долга заставляет меня переносить подобную пытку. Дело это должно совершиться завтра в три часа утра". Жалобам Николая можно поверить. Но, несмотря на терзавшую его тревогу, а может быть, именно вследствие ее, Николай отнесся к предстоящему трагическому событию с тем же вниманием и педантизмом, с каким он раньше вникал в детали следствия. Об этом говорит сохранившийся собственноручный текст разработанного им обряда казни и экзекуции над остальными декабристами.

Начало царствования: формирование образа монарха

Наконец казнь свершилась. Приговор над остальными декабристами начал приводиться в исполнение. Пора было заняться государственными делами. Вступая на престол, Николай по вполне понятным причинам не имел ясного и определенного представления о том, какой бы он хотел видеть Российскую империю. Отметим только, что сильное впечатление на молодого Николая произвели частые беседы с Н. М. Карамзиным,

который во время междуцарствия чуть ли не ежедневно встречался с будущим императором, стремясь передать ему свое представление об основных началах русской жизни и о роли самодержавного монарха в России. Идеи, внушенные историографом Николаю, мало отличались от того, что он сформулировал еще в 1811 г. в записке "О древней и новой России" и что нашло свое отражение в "Истории государства Российского". При этом Карамзин, с огромным пиететом относившийся к Александру I, страстно обличал принятую им правительственную систему, "несбыточные мечтания", которые были внушены покойным императором части общества, произвол и злоупотребления чиновников. Карамзин был настолько резок, что во время одной из бесед императрица Мария Федоровна, не выдержав, воскликнула: "Пощадите, пощадите сердце матери, Николай Михайлович!", на что Карамзин ответил: "Я говорю не только матери государя, который скончался, но и матери государя, который готовится царствовать". Но все же принципы того, что впоследствии получило наименование "николаевской системы", складывались исподволь и постепенно.

После унылых и мрачных последних лет царствования Александра I воцарение тридцатилетнего Николая внесло явное оживление в жизнь страны. Довольно скоро новый император сумел завоевать симпатии светского общества. Но и не только его. Достаточно напомнить хотя бы знаменитые "Стансы" Пушкина:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни. "..."
Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

Сравнивая Николая I с Петром, Пушкин выразил настроения, которые явственно ощущались в тогдашнем обществе, и отнюдь не только в консервативной его части. Несмотря на репутацию ограниченного солдафона, которую Николай заслужил, будучи великим князем, представление о нем как о новом Петре было достаточно широко распространено в первые годы его царствования.

Этому во многом способствовало стремление нового императора ликвидировать злоупотребления, которые достались ему в наследство от прежнего правления, восстановить законность и порядок, провести реформы. Его благородная, пусть и показная, манера поведения производила весьма сильное впечатление. Импонировала обществу и внешность императора.

Николай был высок ростом и красив, хотя красота его всегда отличалась какой-то холодностью. Познакомившись с ним в 1839 г., француз маркиз де Кюстин так описывал внешность Николая: "Император на полголовы выше обыкновенного человеческого роста. Его фигура благородна, хотя и несколько тяжеловата. „...“ У императора Николая греческий профиль, высокий, но несколько вдавленный лоб, прямой и правильной формы нос, очень красивый рот, благородное овальное, несколько продолговатое лицо, военный и скорее немецкий, чем славянский, вид. Его походка, его манера держать себя непринужденно внушительны. Он всегда уверен, что привлекает к себе общие взоры, и никогда ни на минуту не забывает, что на него все смотрят. Мало того, невольно кажется, что он именно хочет, чтобы все взоры были обращены на него одного. Ему слишком часто повторяли, что он красив и что он с успехом может являть себя как друзьям, так и недругам России".

Величественность, так поражавшую современников, Николай сохранял на протяжении всей своей жизни. Его облик, манера поведения вполне соответствовали образу неограниченного повелителя 50 миллионов подданных. Он легко и быстро вписался в государственную систему, которую создавал три десятилетия, сам являясь ее наглядным воплощением. Проницательная А. Ф. Тютчева вспоминала: "Никто лучше,

как он, не был создан для роли самодержца. Он обладал для того и наружностью, и необходимыми нравственными свойствами. Его внушительная и величественная красота, величавая осанка, строгая правильность олимпийского профиля, властный взгляд — все, кончая его улыбкой снисходящего Юпитера, все дышало в нем земным божеством, всемогущим повелителем, все отражало его незыблемое убеждение в своем призвании. Никогда этот человек не испытал тени сомнения в своей власти или в законности ее. Он верил в нее со слепую верою фанатика, а ту безусловную пассивную покорность, которой требовал он от своего народа, он первый сам проявлял по отношению к идеалу, который считал себя призванным воплотить в своей личности, идеалу избранника Божьей власти, носителем которой он себя считал на земле. Его самодержавие милостию Божьей было для него догматом и предметом поклонения, и он с глубоким убеждением и верою совмещал в своем лице роль кумира и великого жреца этой религии..."

Немаловажно и то, что Николай, как человек незаурядный и достигший вершин власти, обладал неотразимым обаянием. Под его воздействие попадали даже люди, хорошо сознававшие природу этого обаяния и отнюдь не разделявшие политических убеждений императора. Та же Тютчева признавалась, что хотя она "по своим убеждениям и оставалась решительно враждебной ему", но сердце ее "было им пленено". Николай стремился подражать тем чертам личности Петра, которые к тому времени сложились уже в прочную легенду. Он поклонялся знаменитому предку, с юности бывшему его кумиром. "Государь „..." питал чувство некоторого обожания к Петру, — вспоминала хорошо знавшая его А. О. Смирнова-Россет. — Образ Петра, с которым он никогда не расставался, был с ним под Полтавой, этот образ был в серебряном окладе, всегда в комнате императора до его смерти". Сближала с Петром нового императора и полная неприхотливость в быту. Николай предпочитал спать на простой походной кровати, укрываясь шинелью. Во время многочисленных поездок по России он не брезговал спать и на набитом сеном матрасе (как уже делал это во время упомянутого путешествия в

Англию). Николай был умерен в еде и, в отличие от своего пращура, почти не употреблял спиртного. В последние годы жизни он занимал в Зимнем дворце одну комнату на первом этаже, окнами на Адмиралтейство. "Комната эта была небольшая, — вспоминала баронесса Фредерике, — стены оклеены простыми бумажными обоями, на стенах несколько картин. На камине большие часы в деревянной отделке, под часами большой бюст графа Бенкендорфа Тут стояли: вторая походная кровать государя, над ней небольшой образ и портрет великой княгини Ольги Николаевны „...“, вольтеровское кресло, небольшой диван, письменный рабочий стол, на нем портреты императрицы и его детей и незатейливое убранство; несколько простых стульев; мебель вся красного дерева, обтянута темно-зеленым сафьяном, большое трюмо, около коего стояли его сабли, шпаги и ружье, на приделанных к рамке трюмо полочках стояли склянка духов „...“, щетка и гребенка. Тут он одевался и работал... тут же он и скончался".

Образ величественного императора, не чуждого, впрочем, простым радостям и развлечениям, с самого начала стал соединяться в представлении придворного общества с обликом человека, полного высокого благородства. Конечно, жестокая расправа с декабристами, казнь пяти из них после обещаний удивить Европу своим милосердием сильно повредили репутации Николая и никогда не могли быть забыты. Но со временем иные поступки способствовали в глазах многих формированию образа идеального государя.

Например, знали о том, что Николай прощал всех арестованных и осужденных за публичное оскорбление его достоинства. Известен, в частности, такой случай. 22 января 1826 г. Государственный совет приговорил одного государственного крестьянина за произнесение в разговоре со своим братом бранных слов в адрес государя к наказанию кнутом и "по поставлении штемпельных знаков" (то есть выжиганию каленым железом на лице знаков, свидетельствующих о том, что он каторжник) к ссылке навсегда в каторжную работу. На мемории Государственного совета, представленной на утверждение, Николай

наложил резолюцию: "Простить". И затем на протяжении всего своего царствования Николай ни разу не изменил этому раз и навсегда принятому правилу.

Укреплению образа благородного и всепонимающего правителя, бесспорно, послужил известный эпизод с аудиенцией, которую Николай дал Пушкину, опальному поэту, в Москве 8 сентября 1826 г., вернув его из Михайловской ссылки. Сохранился рассказ об этом самого Николая, записанный в 1848 г. М. А. Корфом.

"— Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге? — спросил я его между прочим.

— Стал бы в ряды мятежников, — отвечал он".

Император стал расспрашивать, изменился ли с тех пор образ мыслей Пушкина и может ли тот дать ему слово "думать и действовать иначе", если будет отпущен на волю. Пушкин, по словам Николая, "очень долго колебался прямым ответом и только после длинного молчания протянул руку с обещанием сделаться другим". Тогда же император предложил Пушкину быть его цензором, то есть освободил формально от официальной цензуры. Хорошо известно, каким цензором оказался царь и сколько унижений и разочарований пришлось пережить впоследствии великому поэту. И тем не менее было немало людей, которые восприняли жест Николая в отношении Пушкина как проявление монаршей милости.

Создавая свой образ великодушного монарха, Николай не брезговал и дешевыми приемами. Вернее, они также были неотъемлемой частью этого образа. Рассказывали, что во время смотра Николай наказал одного из офицеров за упущения по службе. Через некоторое время выяснилось, что Николай был не прав. При первой же возможности император на другом смотре публично попросил извинения у напрасно обиженного офицера: он остановил движение войск, подал команду: "Львов (так звали офицера. — С. М.), ко мне" — и, когда тот подошел, во всеуслышание сказал: "Львов, прости меня". Театральность этой сцены очевидна. Но такого рода истории, передававшиеся из уст в уста, добавляли важные штрихи к образу повелителя России: он выступал в

роли близкого и простого отца-командира, но уже распространявшего свою отеческую заботу и справедливость на всю страну.

Созданию восторженного ореола вокруг имени Николая I во многом способствовали его личная смелость и нарочитое пренебрежение опасностью. Летом 1831 года произошли события, которые оказались как бы проверкой твердости характера императора и силы его натуры. Начавшаяся еще в предыдущем году эпидемия холеры, вызвавшая тогда несколько волнений, вспыхнула теперь с новой силой. С 14 (26) июня холера открылась в Петербурге и через несколько дней приобрела угрожающие размеры. 17 (29) июня в Петербурге было получено известие о кончине от холеры великого князя Константина Павловича. В те же дни холерой заболел А. Х. Бенкендорф, что обнаружилось сразу же после того, как он покинул царский кабинет. "Тотчас взяты были всевозможные меры предосторожности, — вспоминал впоследствии Бенкендорф, — для охранения царского жилища от привезенной мною заразы. Но государь в ту же ночь навестил меня и потом в течение с лишком трех недель каждый день удостоивал меня своим посещением и продолжительною беседою".

Тем временем в городе начались волнения. Распространялись слухи, что эпидемия — результат преднамеренного отравления. На Сенной площади толпа разгромила больницу, изранила и выкинула на улицу больных, были убиты несколько докторов. Полиция ничего не могла поделать с многотысячной толпой. Лишь вмешательство командующего гвардией И. В. Васильчикова, приведшего на Сенную под гром барабанов батальоны Семеновского полка, заставило толпу несколько рассеяться. Но волнения не затихали.

На следующий день, 23 июня (5 июля), о бунте на Сенной площади стало известно Николаю I. Он тотчас же отправился за батальоном Преображенского полка и вместе с ним поспешил на площадь, где опять скопилось около 5 тысяч человек. Николай бесстрашно въехал в толпу и, встав в коляске, обратился к народу с речью: "Вчера учинены были злодейства, общий порядок был нарушен. Стыдно народу русскому,

забыв веру отцов своих, подражать буйству французов и поляков, они вас подучают, ловите их, представляйте подозрительных начальству, но здесь учинено злодейство, здесь прогневали мы Бога, обратимся к церкви. На колени, и просите у Всемогущего прощения". После этих слов вся площадь замерла, опустившись вместе с императором на колени. Картина, безусловно, впечатляющая. Одержав, таким образом, нравственную победу над толпой, Николай продолжал наступать уже более уверенно. "До кого вы добираетесь, — теперь уже грозно вопрошал император, — кого вы хотите, меня ли? Я никого не страшусь, вот я". По словам очевидца, князя А. С. Меншикова, народ после этого пришел в совершенный восторг и со слезами на глазах кричал "ура". Николай поцеловал одного старика из толпы и с торжеством удалился в Петергоф. Однако холера продолжала косить людей, унося в Петербурге до 600 жизней в день. Волнения распространились на Новгородские военные поселения. В Старой Руссе было разгромлено здание, занимаемое полицией, убит городничий, разграблены питейные дома. Николай, убедившись в собственной силе, рискнул появиться и среди восставших военных поселян. Тут его опять ждал успех. Восстание было усмирено, а его участники жестоко наказаны.

Прибавила Николаю популярности и ликвидация ненавистных военных поселений, на что он решился далеко не сразу. Только восстание в новгородских поселениях окончательно убедило его, что затея Александра I и Аракчеева решить вопрос содержания армии путем создания военных поселений совершенно провалилась. 8 (20) ноября 1831 г. Новгородские военные поселения были ликвидированы, а военные поселяне превращены в пехотных солдат, отбывавших рекрутскую повинность на общих основаниях. В 1836 году были уничтожены военные поселения в Белоруссии.

Императорский двор

Личная неприязнательность Николая отнюдь не помешала ему создать один из самых блистательных и роскошных дворов в Европе. Пышность и

торжественность дворцовых праздников, требовавших огромных затрат, были для Николая важной составной частью образа великой монархии, который он с такой тщательностью и последовательностью создавал все 30 лет своего правления. И надо признать, во внешнем блеске русский двор не имел себе равных в мире. Придворные балы всегда потрясали воображение иностранцев. Маркиз де Кюстин свидетельствовал: "Я видел Венский конгресс, но я не припомню ни одного торжественного раута, который по богатству драгоценностей, нарядов, по разнообразию и роскоши мундиров, по величию и гармонии общего ансамбля мог бы сравниться с праздником, данным императором в день свадьбы своей дочери в Зимнем дворце, год назад сгоревшем и теперь восставшем из пепла по мановению одного человека. Да, Петр Великий не умер. Его моральная сила живет и продолжает властвовать. Николай — единственный властелин, которого имела Россия после смерти основателя ее столицы". (Обратим внимание на то, что и здесь Николай сравнивается с Петром.)

Любопытно, что красочность, живописность петербургских придворных церемоний во многом создавались не только богатыми украшениями дам, но и блеском военных мундиров. Военно-бюрократический характер государства находил в этом свое внешнее проявление. Во Франции, например, к этому времени уже господствовали черные фраки.

Не менее блестящими были и летние развлечения, когда двор переезжал в пригородные дворцы. Подчас они принимали грандиозные по тем временам масштабы и органично отражали внутреннее самоощущение императора. К подобным затеям можно отнести, например, царскосельскую карусель 1842 г.

Конные состязания, получившие названия каруселей, были придуманы еще рыцарями во времена крестовых походов. Много столетий спустя верховая езда, демонстрация виртуозного владения оружием, просто спортивные упражнения, проделываемые в средневековом облачении, стали в Европе модным придворным развлечением. В России подобные карусели получили достаточно широкое распространение при Николае.

Однако то, что происходило в Царском Селе 23 мая 1842 г., было совершенно необычайным и надолго запомнилось современникам. Прежде всего в карусели приняла участие вся императорская семья. Император и его сын и наследник великий князь Александр Николаевич были одеты в подлинные рыцарские доспехи. Младшие сыновья — Константин, Николай, Михаил — были одеты пажами. Для императрицы и двух ее дочерей специально были сшиты средневековые платья. Но и все остальные участники карусели были облачены в подлинные рыцарские доспехи, а для женщин приготовлены соответствующие наряды. Так, платье графини Воронцовой-Дашковой, которая выступала в паре с Николаем, было сшито по образцу одного из нарядов королевы Изабеллы Баварской. В карусели участвовали рядовые лейб-гвардии Кирасирского полка, также облаченные в латы.

Представление началось торжественным шествием от дворца к Арсеналу. Оттуда, уже верхом, кавалькада участников во главе с Николаем и Александрой Федоровной в сопровождении музыкантов направилась к Александровскому дворцу. Перед ним, собственно, и была разыграна карусель. Участники демонстрировали конные упражнения, метали копья, ловили мяч в кольцо. Конечно, это было не столько состязание, сколько грандиозное зрелище.

За каруселью наблюдала огромная толпа народа, стоявшая за оградой парка. Приглашенные придворные располагались на колоннаде Александровского дворца.

В Петербурге николаевского времени устраивалось и множество менее торжественных балов, в которых охотно участвовал сам император. Это также способствовало росту его популярности. Особенно веселились в менее чопорном, чем Зимний, Аничковом дворце. В первые двадцать лет царствования Николай не пропускал там почти ни одного рождественского маскарада, с удовольствием танцевал, ухаживал за дамами. Рассказывали анекдот, что однажды на маскараде он сильно увлекся одной из масок, оказывал ей всяческие знаки внимания и наконец пригласил в свою карету. Каково же было изумление

императора, когда, сняв маску, он узнал в избраннице свою дочь, великую княжну Марию Николаевну, таким образом подшутившую над отцом. Было ли так на самом деле или нет, не столь уж важно. Интереснее другое — подобные анекдоты вполне укладывались в тогдашние представления об императоре. А. О. Смирнова-Россет свидетельствовала, что одной из самых "блистательных" была зима 1845 года. "Государыня была еще хороша, прекрасные ее плечи и руки были еще пышные и полные, и при свечах, на бале, танцуя, она затмевала первых красавиц. В Аничковом дворце танцевали всякую неделю в белой гостиной; не приглашалось более ста персон. Государь занимался в особенности баронессой Крюднер, но кокетствовал, как молоденькая бабенка, со всеми и радовался соперничеством Бутурлиной и Крюднер".

Интимная жизнь императора

На протяжении всей своей жизни Николай нежно и с подчеркнутым вниманием относился к жене. Это тоже входило в создаваемый им образ императора-рыцаря, человека благородного и чистого во всех своих помыслах и поступках. Однако это вовсе не мешало ему иметь сердечные увлечения на стороне. По свидетельству хорошо осведомленных современников, Николай и не думал стыдиться своих мимолетных увлечений и "бесцеремонно" называл их "дурачествами", дав им оригинальные наименования "васильковых дурачеств", с тех пор как услышал, что Ф. И. Тютчев поэтически назвал их "des bluettes" (васильки).

Вот одно из них. Как известно, Николай любил по утрам один гулять по Дворцовой набережной, проходя ее по несколько раз взад и вперед. Во время одной из прогулок его внимание привлекла девушка с нотами. Встретив ее несколько раз, император решил с ней поговорить. Познакомился. Попросил приглашения в гости. Отправился по указанному адресу, думая, что девушка не знает, кто он. Поднялся по лестнице. Стучит, дверь открывает кухарка и говорит, что не велено никого принимать — ждут государя. Николай улыбнулся и сказал

кухарке: "Ну так скажи своей... королеве-барышне, что она дура!"
Повернулся и ушел.

Однако не всегда его настроение было столь благодушным. Николай не способен был смириться с отказом в его притязаниях, и если такое случалось, навсегда запоминал имя своей обидчицы.

А. И. Соколова, воспитанница Смольного института и личная пансионерка Николая I, вспоминала следующую историю, рассказанную ей самой героиней эпизода много лет спустя.

Молодая и очень красивая девушка влюбилась в офицера Преображенского полка князя Несвицкого. Сошлась с ним, но князь не хотел жениться, так как не имел собственных средств, а мать была против этого брака. Вмешался брат императора великий князь Михаил Павлович, который дал деньги на свадьбу и был на ней посаженным отцом. Однако жизнь супругов не сложилась, и муж открыто изменял жене. Николай увидел Несвицкую на одном из балов. "Замечательная красота княгини Софьи, — рассказывала А. И. Соколова, — бросилась в глаза императору, и он, стороной разузнав подробности ее замужества и ее настоящей жизни, сделал ей довольно щекотливое предложение, на которое она ответила отказом". Николай сперва принял его "как доказательство любви княгини к мужу и желание остаться ему непоколебимо верной". Однако он ошибся: молодой женщине он просто не понравился как мужчина. Через два года она сошлась с флигель-адъютантом Н. Бетанкуром. Узнав об этом, Николай был сильно разгневан. Бетанкур, как "человек практический", понял, что "хорошеньких женщин много, а император один, и через графа Адлерберга довел до сведения государя, что он готов навсегда отказаться от связи с княгиней Несвицкой, лишь бы не лишаться милости государя". Шли годы, княгиня состарилась, почти ослепла, осталась без средств и подала прошение на высочайшее имя с просьбой о помощи. Николай решительно отказал: "Этой?! Никогда... и ничего". Однако, кроме подобных историй (рассказов о них сохранилось немало), в которых подчас трудно отличить сплетни от реальных событий, у

Николая были и более серьезные увлечения. Длительные и прочные отношения связывали его с фрейлиной Варварой Аркадьевной Нелидовой, известной красавицей, по странному стечению обстоятельств племянницей Е. И. Нелидовой, фаворитки его отца Павла I.

Однако внешне все было вполне благопристойно — император Николай никогда не допустил бы и малейшего отступления от приличий. Описывая в 1845 году в своем дневнике образ жизни царя: "В 9-м часу после гулянья он пьет кофе, потом в 10-м ходит к императрице, там занимается, в час или 11/2 опять навещает ее, всех детей, больших и малых, и гуляет. В 4 часа садится кушать, в 6-ть гуляет, в 7 пьет чай со всей семьей, опять занимается, в десятого половина ходит в собрание, ужинает, гуляет в 11-ть. Около двенадцати ложится почивать. Почивает с императрицей в одной кровати", — А. О. Смирнова-Россет, близко знавшая быт царской семьи, задавала себе недоуменный вопрос: "Когда же царь бывает у фрейлины Нелидовой?" Способствовало сохранению внешних приличий и поведение самой Нелидовой. А. Ф. Тютчева, познакомившаяся с Нелидовой позднее, в начале 50-х годов, писала о ней в своих воспоминаниях: "Ее красота, несколько зрелая, тем не менее еще была в полном своем расцвете. Ей, вероятно, в то время было около 38 лет. Известно, какое положение приписывала ей общественная молва, чему, однако, казалось, противоречила ее манера держать себя, скромная и почти суровая по сравнению с другими придворными. Она тщательно скрывала милость, которую обыкновенно выставляют напоказ женщины, пользующиеся положением, подобным ее".

Уже упоминавшаяся А. И. Соколова утверждала, что связь Николая с Нелидовой была хорошо известна императрице и "если так можно выразиться, была санкционирована ею". После смерти Николая Александра Федоровна распорядилась, чтобы во все время, пока тело императора находилось во дворце, Нелидовой давали один час в день "свободно помолиться у дорогого ей праха".

Попытки реформ

В первые годы царствования Николая казалось, что молодой император, еще полный сил и энергии, сможет серьезно заняться реформированием России. И для этого были вполне реальные основания. В манифесте 13 июля 1826 г., изданном по завершении процесса декабристов, Николай не только осуждал "дерзостные мечтания, всегда разрушительные", но и признавал необходимость постепенного усовершенствования "отечественных установлений". В конце 1826 года из виднейших сановников империи был создан Секретный комитет, который впоследствии стали называть Комитетом 6 декабря 1826 г. (дата его создания). Его целью было изучение найденных в кабинете покойного императора Александра I многочисленных проектов, касавшихся изменений в различных частях государственного управления и выработки на их основе проектов реформ. Членами Комитета стали крупнейшие государственные деятели николаевской эпохи: В. П. Кочубей (председатель Государственного совета), И. В. Васильчиков (впоследствии также председатель Государственного совета), М. М. Сперанский, Д. Н. Блудов (председатель Государственного совета в царствование Александра II) и другие. Сам Николай, всем своим существом отвергавший идеи декабристов, тем не менее с вниманием отнесся к критике самодержавной системы, которая содержалась в их показаниях на следствии. Доказательством тому служит свод показаний, составленный по прямому распоряжению Николая правителем дел Следственного комитета А. Д. Боровковым. В нем говорилось о пагубном влиянии на Россию крепостного права и обосновывалась необходимость его уничтожения, шла речь о беззаконии и повсеместном распространении взяточничества, изображались беспорядки в администрации и хаос в законодательстве. В феврале 1827 года свод был передан Николаю I. "Государь, — говорил В. П. Кочубей Боровкову, — часто просматривает ваш любопытный свод и черпает из него много дельного; да и я часто к нему прибегаю".

Комитет интенсивно работал на протяжении трех лет, однако его деятельность оказалась безрезультатной. Практически ни один из

подготовленных проектов не был реализован.

Свою основную задачу Комитет видел в подготовке закона о состояниях, то есть в создании свода правил, определяющих права и обязанности основных сословий государства. Выработанный проект закона сохранял в неизблемости крепостное право, но все же делал определенные шаги в сторону его смягчения: запрещал перевод крестьян в дворовые и продажу крепостных без земли. Предлагалось также создать новое сословие вольноотпущенных земледельцев, которые должны были образовывать крестьяне, добровольно отпущенные на волю помещиками с землей или без земли. Обеспокоенные размыванием потомственного дворянства выходцами из непривилегированных сословий, члены Комитета предлагали принять меры к тому, чтобы прекратить этот процесс, начавшийся столетие назад. Ведь в соответствии с петровской Табелью о рангах любой чиновник, дослужившийся до VIII класса и получивший чин коллежского асессора, или офицер, получивший первый обер-офицерский чин, приобретали права потомственного дворянства. Комитет предлагал уничтожить такой порядок и сохранить возможность приобретения прав дворянства либо по рождению, либо в силу высочайшего пожалования. Николаю предлагалось принять меры к консолидации дворянства, для чего запретить раздроблять имения при продаже, залоге и наследовании. Для поощрения чиновников-недворян и купцов планировалось создать три новых сословия: "чиновных граждан", "именитых граждан" и "почетных граждан". Все три категории освобождались от подушной подати, рекрутского набора и телесных наказаний.

Кроме того, при активном участии М. М. Сперанского были разработаны проекты преобразования центральных и местных государственных учреждений. Предполагалось своеобразное осуществление буржуазного принципа разделения властей. Государственный совет должен был стать органом для обсуждения законов. Сенат разделялся на "правительствующий", состоящий из министров и представляющий собой исполнительную власть, и "судебный". Тем же принципом разделения

властей предлагалось пронизать систему местных учреждений.

Все эти предложения получили предварительное одобрение Николая I, который время от времени совершал инспекционные осмотры высших государственных органов и лично убеждался в их недееспособности. Так, 10 (22) августа 1827 г. Николай неожиданно в десять часов утра появился в Сенате. Начав осмотр в уголовном департаменте, Николай, не застав там никого, перешел во второй, но и там никого не оказалось. Только в третьем департаменте Николай обнаружил сенатора П. Г. Дивова. "Его Величество подал мне руку и пожал мою", — записал в своем дневнике Дивов. — Я повел его из департамента в департамент. Он сказал мне сначала на ухо: "Это кабак", затем повторил это слово очень громко".

Однако одобрение императора не имело ровно никакого результата. Из всех подготовленных в Комитете 6 декабря 1826 г. проектов в Государственном совете обсуждался только проект закона о состояниях, да и тот был сперва отложен из-за резко отрицательного отзыва великого князя Константина Павловича, а затем и вовсе забыт. Остальные проекты даже не обсуждались, и Комитет незаметно прекратил свое существование — для этого не потребовалось никакого специального указа императора. Он просто однажды прекратил свои заседания, и его члены больше никогда не собирались вместе. К 1831 году выяснилось, что реформы не столь уж необходимы и России, и ее новому императору.

Кодификация

Более успешно дело обстояло там, где, как казалось, не требовалось решительных преобразований, а необходимо было навести элементарный порядок. Читатель, наверное, удивится, узнав, что в первой трети XIX века в России продолжал существовать свод законов, принятый еще в XVII веке — Соборное уложение 1649 года. Как ни парадоксально, это вполне достоверный факт. Все попытки на протяжении последней трети XVIII века и в начале XIX века создать нормативное уголовное и гражданское законодательство ни к чему не приводили. Поэтому одной

из первых забот Николая стала организация работ в области кодификации.

Работа по кодификации законов была возложена на созданное указом 31 января 1826 г. II отделение собственной Его Императорского Высочества канцелярии.

Во главе II отделения Николай поставил своего бывшего учителя М. А. Балугьянского. Но фактически его возглавлял и был душой всего дела М. М. Сперанский — один из самых крупных государственных деятелей России за всю ее многовековую историю. Сперанский предложил Николаю разбить работу на три этапа. На первом собрать все законы, изданные после Уложения 1649 года (что было уже в значительной степени сделано), и расположить их в хронологическом порядке, затем на этой основе составить свод действующих законов, разбив их на тома по сферам применения, и, наконец, подготовить окончательный текст нового уложения, отбросив устаревшие нормы и пополнив законы новыми статьями, более соответствующими духу времени.

Рассмотрев предложения Сперанского, Николай утвердил только два первых, отвергнув идею создания нового законодательства; Сперанский вынужден был подчиниться. К 1830 году гигантская работа по подготовке Полного собрания законов Российской империи была завершена. Чтобы представить ее масштабы, приведем воспоминания одного из сенатских чинов о том, на основании каких законов отправлялось правосудие в первой четверти XIX века. Сенатский чиновник И. В. Селиванов писал: "При неимении не только Свода, но даже простого собрания законов уголовные палаты проводили в своих решениях такие законы, которые никогда издаваемы не были. „...“ Высочайшие указы по получении подшивались один под другим, и из этого к концу года составлялась книжища страшной толщины, в которой, чтобы отыскать что-нибудь, надо было перелистать всю книжищу от первого листа до последнего. А как таких книжищ, чтобы найти что-нибудь, надо было пересмотреть целые десятки, то, право, откажешься от всякой поверки, махнешь рукой и скажешь: вероятно, верно, ежели написано". Понятно, каким

титаническим должен был быть труд приведения всего этого хотя бы в относительный порядок.

Полное собрание законов состояло из 45 томов, куда вошло более 30 тысяч законодательных актов с 1649 года по 3 декабря 1825 г. Печатание всех томов заняло без малого два года и было окончено 1 апреля 1830 г. Тираж издания составил 6 тысяч экземпляров. Одновременно были подготовлены и вскоре же напечатаны шесть томов продолжения.

К 1833 году было подготовлено 15 томов Свода законов. 17 января 1833 г. состоялось общее собрание Государственного совета, которое признало Свод законов единственным основанием для решения всех дел и установило, что он вводится в действие с 1 января 1835 г. Выступая на заседании, Николай специально подчеркнул, что устройство правосудия было главной его заботой после вступления на престол. "Я еще смолоду, — говорил император, — слышал о недостатках у нас по этой части, о ябеде, о лихоимстве, о несуществовании полных на все законов или о смешении их от чрезвычайного множества указов, нередко между собой противуречивых". Но правительство ничего не могло с этим сделать. Главную причину неудач Николай видел в том, что "всегда обращались к сочинению новых законов, тогда как надо было сперва основать старые на твердых началах". И как только это было осуществлено, дело пошло быстрым ходом. "Вместо сочинения новых законов, — продолжал Николай, — я велел собрать сперва вполне и привести в порядок те, которые уже существуют, а самое дело по его важности взял в непосредственное мое руководство".

Заседание закончилось торжественным апофеозом совершенно в духе Николая I: он подозвал к себе Сперанского и, обняв в присутствии всех, надел на него снятую с себя Андреевскую звезду — высшую награду империи. Эта картина была впоследствии запечатлена на одном из четырех барельефов клодтовского памятника Николаю I на Исаакиевской площади.

Вообще, если вдуматься, торжество 17 января 1833 г. было в то же время трагедией жизни великого русского реформатора. Трагедией,

которую он, видимо, сам никогда до конца не осознал. В Своде законов центральное место занимало подготовленное М. М. Сперанским собрание законов и постановлений XVIII — начала XIX века об основах государственного строя России, получившее название "Основные законы Российской империи". Первая статья "Основных законов" определяла форму правления в России: "Император Российский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает". Остальные статьи развивали и дополняли основную мысль. И создание такого документа выпало на долю человека, который был совершенно убежден в необходимости буржуазных реформ в России, который в царствование Александра I готовил грандиозные планы преобразования страны по западному образцу, мечтал о народном представительстве и парламенте, понимал необходимость и неизбежность разделения властей. В сущности, за это он поплатился арестом и многолетней ссылкой. Но стоило ему употребить свой талант и знания на законодательное оформление противоположных начал и принципов, как он был осыпан милостями и обласкан властями. В 1839 году Николай I, узнав о смерти Сперанского, говорил М. А. Корфу: "Михаила Михайловича не все понимали и не все умели довольно ценить; сперва я и сам в этом более всех, может статья, против него грешил. Мне столько было наговорено о его превратных идеях, о его замыслах; клевета осмелилась коснуться его даже и по случаю истории 14-го декабря! Но потом время и опыт уничтожили во мне действие всех этих наговоров. Я нашел в нем самого верного и ревностного слугу, с огромными сведениями, с огромною опытностью, с не устававшею никогда деятельностью. Теперь все знают, чем я, чем Россия ему обязаны, и клеветники давно замолчали".

Столкнувшись в первые же годы своего царствования с повседневным пренебрежением к нормам закона, Николай принялся упорно и постоянно это пресекать. Характерны его резолюции на мемориях Государственного совета по поводу случаев применения пыток полицией и судебными органами. Так, случай, когда частный пристав отдал приказ приковать

цепью к стулу взятого для допроса в съезжий дом бывшего рядового, Совет квалифицировал как пытку, строго запрещенную законом, и предложил передать этот факт на рассмотрение местного губернского начальства. Это вызвало следующую резолюцию Николая I: "Согласен, но министру юстиции предписать наистрожайше всем прокурорам осмотреть, есть ли подобные стулья и проч. с цепями, и истребить со строжайшим повелением не изобретать ничего подобного".

Еще выразительнее эмоциональная резолюция императора на мемории Государственного совета о смерти некоего Климова, посаженного станичным начальством "в неподвижную колоду", где он бился, "кричал и через несколько часов умер". Николай написал на мемории: "Из дела видно, что человек от последствий пытки умер. Дело ужасное и доказывающее совершенное небрежение начальства. „...“ Я предписываю заготовить указ Сенату, дабы оным наистрожайше подтверждено было, чтобы никто и нигде не осмеливался выдумывать особых способов наказания или содержания под предлогом безопасности". Отвращение к жестокости, к самой возможности пытки, очевидное в этих словах императора, вызывает уважение. Однако может показаться необъяснимым, почему Николай так ужаснулся гибели одного человека под пыткой и совершенно хладнокровно воспринял смерть сотен солдат, засеченных шпицрутенами во время подавления восстания 1831 года в Новгородских военных поселениях. Все дело в том, что шпицрутены были предусмотрены законом, воинским уставом. А стул с цепями и неподвижная колода были незаконны. Об этом говорит и сам конец возмущенной резолюции Николая, и требование запретить выдумывание "особых способов наказания".

Особый путь развития России

Восстание на Сенатской площади, как мы уже видели, оказало мощное воздействие на образ мыслей и действий Николая. Законодательное оформление принципов неограниченного самодержавия шло рука об руку с робкими попытками подготовки отдельных реформ. Но был и еще один

не менее важный и чрезвычайно пагубный для России урок, извлеченный Николаем из декабрьских событий 1825 года. Восстание явилось для него исходным пунктом решительного отрицания западного пути, несущего в себе дух революционной "заразы". В то время как в большинстве западных государств политический строй преобразовался, принимая новые конституционные формы, в России происходило укрепление крайних форм самодержавия, которым придавался ярко выраженный националистический характер. Именно во времена Николая I Россию и Европу впервые стали противопоставлять друг другу как два разных мира, основанных на совершенно различных принципах, формирующих политический, национальный и религиозный быт народов. "Царствование Николая I, — писал историк А. Е. Пресняков. — золотой век русского национализма". Первый шаг в этом направлении был сделан в одном из манифестов, изданных сразу после восстания 14 декабря. В нем специально подчеркивалась необходимость "очистить Русь святую от „....,“ заразы, извне к нам нанесенной". В манифесте, изданном по завершении следствия над декабристами, было сказано, что подавление восстания "очистило Отечество от следствий заразы, столько лет среди его таившейся". Утверждалось, что зараза эта пришла с Запада, так как "не в свойствах, не во нравах русских был сей умысел". Для упрочения государственной власти предлагалось насаждать "отечественное, природное, не чужеземное воспитание".

В 1831 году убеждение, что западное воспитание подрывает основы русской жизни и что с этим необходимо как можно скорее покончить, приобрело по желанию Николая I законодательные очертания. На рассмотрение Государственного совета по его распоряжению была внесена записка "О некоторых правилах для воспитания русских молодых людей и о запрещении воспитывать их за границей". Посылая записку в Совет, Николай писал, что "закрывающееся в ней постановление о предпочтительном воспитании молодых людей в России весьма полезно". Члены Совета полностью разделяли мнение и автора записки, и самого императора. Более того, во время обсуждения было

высказано предложение брать с отъезжающих за границу подписку, что они не будут обучать своих детей вне России. Предложение понравилось Николаю I, и на представленном ему журнале заседания департамента законов от 5 февраля 1831 г. он написал: "Подписки же брать с отъезжающих за границу может быть полезно при выдаче паспортов; исключения зависят будут единственно от меня по одним самым важным причинам".

Вообще 1830-1831 годы принесли Николаю много волнений. В первую очередь это было связано с подъемом революционного движения в Западной Европе, революцией 1830 года во Франции, а также с польским восстанием 1830 — 1831 годов. Революционная "зараза", которую он стремился не допустить в Россию, вновь стояла на ее пороге. Особенно тревожным было положение в Польше. Вспыхнувшее в ноябре 1830 года в Варшаве восстание привело к бегству оттуда великого князя Константина Павловича и выводу всех русских войск. Более того, решением сейма Николай был лишен польской короны и получил требование восстановить Польшу в границах 1772 года, гарантировав соблюдение конституции 1815 года. В ответ Николай сформировал специальную армию под командованием фельдмаршала И. И. Дибича и, потребовав от поляков безоговорочной капитуляции, двинул войска на Варшаву. Однако быстрой победы добиться не удалось. Два сражения зимой и весной 1831 года не привели к разгрому поляков, хотя русская армия и имела значительный перевес. Николай был встревожен. "Теперь поляки будут иметь достаточно времени, чтобы восполнить свои потери, укрепить, что им нужно, одним словом, изгладить все следы своего поражения", — с горечью писал Николай Дибичу. Так оно и случилось. Лишь осенью 1831 года, после того как умершего от холеры Дибича сменил И. Ф. Паскевич, русской армии удалось взять штурмом Варшаву и подавить восстание. Относительная самостоятельность Польши была ликвидирована, конституция 1815 года отменена, а Царство Польское провозглашено неотъемлемой частью Российской империи ("Органический статут 1832 года").

События 1830-1831 годов стимулировали оформление теории так называемой "официальной народности", появление которой связано с именем николаевского министра народного просвещения С. С. Уварова. Еще будучи товарищем министра, Уваров представил Николаю I отчет о ревизии Московского университета, где впервые сформулировал основные положения своей знаменитой триады — православие, самодержавие, народность. Именно они, по мнению Уварова, в наиболее концентрированном виде представляли собой живительные источники силы и могущества России, "последний якорь спасения" и "вернейший залог силы и величия". На этих-то началах и предлагал Уваров Николаю построить все воспитание подрастающего поколения, внедрять их в качестве основополагающих принципов отечественной литературы, искусства, науки и просвещения. Как справедливо писал С. М. Соловьев, Уваров внушил Николаю "мысль, что он, Николай, творец какого-то нового образования, основанного на новых началах, и придумал эти начала, то есть слова: православие, самодержавие и народность; православие — будучи безбожником, не веруя в Христа, даже и по-протестантски; самодержавие — будучи либералом; народность — не прочитав в свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-немецки".

В принципе в этой идеологической триаде Уварова не было ничего нового. Уже Н. М. Карамзин в записке "О древней и новой России" писал, что самодержавие есть "палладиум" России. И он же утверждал мысль о нерасторжимом единстве православия с самодержавием, а того и другого — с Россией. У Карамзина не было только идеи о том, что государство должно взять на себя функции активного насаждения этих постулатов. Николай же, глубоко поверив в них, принял их как свою программу и начал добиваться ее реализации. А способов борьбы за свои цели у самодержца было более чем достаточно: от поддержки (моральной, а главное, материальной) адептов угодных правительству воззрений до прямого насилия над своими идейными оппонентами. Квасной патриотизм нашел благодатную почву на страницах газеты "Северная пчела",

издававшейся Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем. М. П. Погодин в своих исторических сочинениях, исследуя проблему возникновения государства в России и на Западе, приходил к выводу, что у нас в основе этого процесса лежало призвание, а не завоевание. А это, в свою очередь, определяло особый вид "патриархального" самодержавия, основанного на "единении" царя с народом. "В России, — писал М. П. Погодин, — управление государством учреждается на всеобщем и исключительном попечении власти о благе народа". Именно такие сочинения удостоивались одобрения и поддержки правительства.

Совсем по-другому действовало оно по отношению к любой попытке высказать гласно иные воззрения. Хрестоматийной стала история публикации "Философического письма" П. Я. Чаадаева и последовавших репрессий. Высказанный им пессимистический взгляд на прошлое и настоящее России и на роль православия в истории отечества, составлявший суть этого сочинения, появившегося в 1836 году в пятнадцатой книжке журнала "Телескоп", не мог быть оставлен Николаем без последствий. Журнал был закрыт, его редактор Н. И. Надеждин сослан, цензор отстранен от должности, а сам Чаадаев по личному распоряжению Николая признан "умалишенным". А. Х. Бенкендорф писал московскому генерал-губернатору: "Государю императору угодно, чтобы ваше сиятельство по долгу звания вашего приняли надлежащие меры к оказанию г. Чаадаеву всевозможных попечений и медицинских пособий. Его величество повелевает, дабы вы поручили лечение его искусному медику, вменив сему последнему в обязанность непременно каждое утро посещать г. Чаадаева, и чтоб сделано было распоряжение, дабы г. Чаадаев не подвергал себя вредному влиянию нынешнего сырого и холодного воздуха, одним словом, чтобы были употреблены все средства к восстановлению его здоровья". Распоряжения эти выполнялись неукоснительно, и, как писал в одном из писем А. И. Тургенев, друзья боялись, "чтобы он и в самом деле не помешался".

Николай I : государство всеильно

В это Николай твердо верил. Стремясь во всем подражать Петру, он видел в государстве единственный инструмент, который способен изменить мир. Восстание декабристов показало Николаю, насколько опасно может стать общество, если оно находится вне всеобъемлющего контроля со стороны государства. После 14 декабря 1825 г. ему и в голову не приходило, что государство не только не должно подавлять общество, а, напротив, должно служить адекватному выражению его интересов. Для достижения идеального устройства он считал необходимым и достаточным создание такого бюрократического аппарата, который позволил бы регулировать и держать под контролем жизнь общества.

Взгляды Николая I на предназначение государства и государственной власти окончательно сложились к концу 40-х годов. Их суть очень удачно сформулировал один из самых близких к императору людей — уже знакомый читателям Я. И. Ростовцев, ставший к тому времени крупным бюрократом. В написанном им "Наставлении для образования воспитанников военно-учебных заведений" государственная власть определялась как "совесть общественная", имеющая такое же значение, как личная совесть для деятельности человека. "Закон совести, закон нравственный обязателен человеку как правило для его частной воли; закон верховной власти, закон положительный обязателен ему как правило для его общественных отношений", — писал Ростовцев. Для него, как и для Николая, и воля отдельного человека, и воля целого общества есть элемент анархический, который и призвана подавлять государственная власть, "чтобы охранить общество от разрушения и утвердить в нем порядок нравственный". "В этом проявляется закон верховной власти", основа которого, с одной стороны, "ничем не ограниченная преданность" воле Отца небесного, с другой — "покорность земной власти, как данной свыше". Опираясь на подобное понимание отношений общества и государства, Николай, как справедливо писал А. Е. Пресняков, "пытался свести государственную власть к личному самодержавию „отца-командира“, на манер военного командования,

окрашенного в духе всего быта эпохи патриархально-владельческим, крепостническим пониманием всех отношений властвования и управления".

Характерными чертами николаевского царствования стали предельная централизация государственной власти, с одной стороны, и принципиально иное положение личной канцелярии монарха в системе государственных учреждений — с другой. По сути дела, собственная его императорского величества канцелярия сравнялась (а в отдельных случаях стала чуть ли не выше) с центральными органами государственной власти. Создававшиеся одно за другим отделения царской канцелярии оказывались своеобразными министерствами, деятельность которых контролировалась самим Николаем. Император как бы подчинял лично себе те отрасли управления, которые не мог доверить традиционным государственным органам. Такой патернализм не мог, конечно, существовать долго, и со смертью Николая функции личной канцелярии императора вернулись в нормальные рамки.

Преобразование канцелярии началось в январе 1826 г. с создания II отделения, о деятельности которого по приведению в порядок законодательства уже говорилось на предыдущих страницах.

25 июня 1826 г. (в день рождения Николая) был издан указ об учреждении самостоятельного корпуса жандармов с назначением шефом жандармов А. Х. Бенкендорфа, а несколько дней спустя было образовано III отделение собственной канцелярии, которое должно было сосредоточить в своих руках все дела политической полиции. Главной задачей III отделения провозглашались охрана существующих порядков и пресечение попыток изменить самодержавный строй. Кроме того, оно должно было бороться против злоупотреблений, защищать слабых от притеснений сильных и, по словам Бенкендорфа, "вытирать слезы несчастных, всегда оставаясь на страже закона". По существующей легенде, в ответ на вопрос Бенкендорфа, какие инструкции Николай может ему дать при вступлении в новую должность, император вынул из кармана платок, протянул его Бенкендорфу и сказал: "Вот тебе

инструкция. Этим платком ты должен будешь вытирать слезы несчастным, сиротам, вдовам и всем обиженным". Последующая мрачная история III отделения, главной целью которого было искоренение живой мысли и всего прогрессивного, хорошо известна. Но легенда "о платке, утирающем слезы", внесла еще один штрих в образ императора.

В действительности же сфера деятельности министерства "тайной полиции" была огромной. В нее входило наблюдение за всеми политически неблагонадежными, поиск раскольников и сектантов, расследование случаев появления фальшивых денег. III отделение ведало местами высылки "вредных" людей, оно было обязано следить за иностранцами, сообщать "о всех без исключения происшествиях", а также представлять ежегодные нравственно-политические отчеты о состоянии страны. Словом, вся Россия оказалась под надзором, и ничто не должно было ускользнуть от бдительного ока шефа жандармов и самого императора.

Через несколько лет было создано IV отделение, задачей которого было руководить учебными и благотворительными учреждениями, находящимися под покровительством императрицы Марии Федоровны.

В 1835 г. для разработки и осуществления реформы государственной деревни было создано V отделение. Спустя еще несколько лет возникло последнее, VI отделение — для рассмотрения положения дел в Закавказье.

Наконец, существенно изменилась функция I отделения, как стала именоваться с 1826 г. собственно бывшая личная канцелярия императора. Оно стало связующим звеном между императором и остальными высшими и центральными органами власти. Сюда стекались все бумаги, отсюда рассылались указы и повеления.

Николай хорошо понимал, что в условиях самодержавия функционирование государственной машины в значительной степени зависит от контроля и характера наказаний за упущения по службе. С этой точки зрения очень показательна полемика, развернувшаяся в 1829 году между Николаем I и Государственным советом. Обсуждая систему

взысканий с низших чиновников, Совет высказался против замены денежных штрафов арестами. Николай не согласился с мнением Совета, считая, что нельзя наказывать арестом только городничих, с остальных же "пени... взыскивать есть только побуждать их к несправедному любостыжанию, ибо у кого нет почти чем жить, с того взыскивать нечего". В 1830 году полемика продолжилась: Государственный совет считал, что самая эффективная мера воздействия на гражданских чиновников — денежный штраф. Николай снова возразил: "С сим мнением Государственного совета я никак согласиться не могу: при ограниченных наших окладах пени денежные есть вещь не только невозможная, но, смело сказать можно, пагубная, есть побуждение ко взяткам и другим злоупотреблениям: воздухом жить нельзя, а у того, кто 150 рублей получает в год, имеет жену и детей, вычесть треть жалованья есть вещь несбыточная и противная здравому рассудку".

Общей тенденцией перестройки государственного управления при Николае I была военизация государственного аппарата. Если некоторые ведомства были полностью военизированы (горное, лесное, путей сообщения), то и обычное гражданское управление постепенно превращалось в управление военное. К концу царствования во главе 41 губернии из 53 существовавших стояли военные губернаторы. Вся бюрократическая система достигла предельной централизации и должна была действовать, по мысли Николая, с той же стройностью и дисциплиной, как хорошая армия, которая представлялась ему идеальным образцом для устройства всего общества. "Здесь порядок, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противоречия, все вытекает одно из другого, — говорил Николай. — Я смотрю на человеческую жизнь только как на службу, так как каждый служит".

Именно поэтому он с такой тщательностью вникал во все, что касалось мундиров, формы, чинов, входя во все мелочи. Изумительна резолюция Николая на докладной записке государственного секретаря от 29 апреля 1826 г. с ходатайством о назначении членам Государственного совета особого мундира: "Мундир иметь всем членам не военным зеленый с

красным воротником и обшлагами, с шитьем по классам по воротнику, обшлагам и карманам, а председателю и по швам, а пуговицы с гербами. Вседневный мундир тот же, но с одним верхним кантом по воротнику, обшлагам и карманам". Повелитель огромной империи считал необходимым самому определять и цвет обшлагов, и расположение шитья, и отличия мундира председателя Государственного совета от мундира члена Совета.

По словам А. Ф. Тютчевой, Николай "проводил за работой восемнадцать часов в сутки из двадцати четырех, трудился до поздней ночи, вставал на заре, спал на твердом ложе, ел с величайшим воздержанием, ничем не жертвовал ради удовольствия и всем ради долга и принимал на себя больше труда и забот, чем последний поденщик из его подданных. Он чистосердечно и искренне верил, что в состоянии все видеть своими глазами, все слышать своими ушами, все регламентировать по своему разумению, все преобразовать своею волею. В результате он лишь нагромоздил вокруг своей бесконтрольной власти груды колоссальных злоупотреблений, тем более пагубных, что извне они прикрывались официальной законностью и что ни общественное мнение, ни частная инициатива не имели ни права на них указывать, ни возможности с ними бороться".

Попытки освобождения крестьян

На протяжении 30 лет царствования в центре внимания Николая I был крестьянский вопрос. Свидетельство тому — девять созданных им Секретных комитетов по крестьянскому делу, безуспешно пытавшихся решить, как лучше приступить к постепенному освобождению крепостных крестьян. Поэтому трудно согласиться с решительным утверждением: замечательного писателя и историка, знатока XIX века Н. Я. Эйдельмана, будто Николай I всю жизнь не сомневался, что "отмена крепостного права большее зло, чем само крепостное право". Хотя практические результаты деятельности комитетов были ничтожны, но сам факт постоянного возвращения к этому вопросу доказывает: император

понимал, что крепостное право если не совсем отжило, то, несомненно, отживает свой век.

Но как его упразднить? Этому Николай не знал. И путь, избранный им для решения этой кардинальной проблемы русской жизни, в сущности, обрекал на неудачу любые попытки сдвинуть дело с мертвой точки. Отдавая разработку реформы высшим чиновникам империи, из которых неизменно составлялись Секретные комитеты, император сам связывал себе руки.

Самодержавный властелин, действительно обладавший неограниченной властью, оказался бессильным перед крепостническими убеждениями высших сановников. Вся сила его зиждилась на подчинении законам системы и сразу иссякала, едва требовалось выйти за их пределы. Но именно это и было неизбежно для решения крестьянского вопроса.

Конечно, речь идет тут вовсе не о поражении прогрессивного монарха в борьбе с реакционным окружением. Ведь Николай сам избрал для управления подвластной ему огромной империей тех своих ближайших сотрудников, которым и поручал заседать в Секретных комитетах. Однако тот факт, что царь вновь и вновь возвращался к попыткам решения крестьянской проблемы, создавая все новые Секретные комитеты, говорит о том, что Николай был более сложной политической фигурой, чем считалось в советской историографии на протяжении десятилетий. Серьезность намерений Николая I приступить к выработке основ освобождения крестьян проявилась к середине 30-х годов.

Человеком, которому император доверял свои сокровенные мысли по этому вопросу, был П. Д. Киселев. Еще в 1834 году император, как вспоминал позднее Киселев, сказал ему, что, занимаясь рассмотрением труднейших дел, "он во главе их признает необходимейшим преобразование крепостного права, которое в настоящем его положении оставаться не может". Тесные отношения царя с Киселевым еще более укрепились в результате успешного проведения последним реформы государственных крестьян. В бумагах Киселева сохранилась запись его беседы с императором 17 февраля 1836 г. На этот раз речь шла о

необходимости начать разработку проекта реформы и о намерении Николая поручить это Киселеву под своим личным руководством. Именно в этот День император сказал Киселеву фразу, ставшую широко известной: "Ты будешь мой начальник штаба по крестьянской части", смысл которой был, конечно, шире реформы только государственных крестьян, о которой тогда шла речь.

Обе приведенные беседы императора с Киселевым в полной мере проясняют, во-первых, отношение Николая I к проблеме освобождения крестьян в целом, выраженное не в официальной речи или манифесте, а в частной беседе с глазу на глаз — беседе, смысл которой, что особенно важно, носил программный характер, и, во-вторых, взгляды на эту проблему Киселева, которого император, конечно, не случайно избрал своим конфидентом.

Реформа государственной деревни, общая численность крестьян в которой лишь немногим уступала численности помещичьих крестьян, явилась реализацией идей, возникших в ходе работы Секретного комитета 1835 года. Исходя из того, что реформа крепостных отношений может быть проведена для основных категорий крепостного крестьянства одновременно, Комитет предложил план так называемой "двуединой реформы", которая в равной мере коснулась бы и помещичьей, и государственной деревни. Предполагалось рядом мер подготовить слияние государственных и частновладельческих крестьян. Не вдаваясь в детали проекта, отметим только, что поскольку государственные крестьяне были лично свободны, то уравнивание прав этих двух основных сословий крепостного крестьянства в глазах современников было не чем иным, как ликвидацией права помещика распоряжаться личностью крестьянина.

Однако заниматься одновременно и государственной, и помещичьей деревней Николай признал неудобным, и было решено начать с подготовки реформы государственных крестьян. Для этого было создано специальное V отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, во главе которого был поставлен П. Д. Киселев. Внутри

этого отделения при активном содействии М. М. Сперанского была создана новая система управления государственными имениями. 26 декабря 1837 г. Николай подписал указ о создании Министерства государственных имуществ. Как видим, никакого принципиального изменения в положении государственных крестьян не произошло — речь шла только о реорганизации управления ими. В жизнь вновь была проведена мысль Николая о том, что государство, ничего решительно и принципиально не меняя, в состоянии решать любые проблемы одними структурными преобразованиями.

Министерство государственных имуществ, по мысли авторов проекта, должно было следить за экономическим благосостоянием крестьян, собирать с них подати и налоги, гарантировать их гражданские права, оказывать им врачебную помощь, заботиться о распространении грамотности и прочее. Для этого в центре и на местах создавался мощный бюрократический аппарат.

Вершиной аппарата стало Министерство государственных имуществ, в губерниях были созданы его местные органы — палаты государственных имуществ. Каждая губерния делилась на несколько округов, во главе которых стояли окружные начальники и их помощники, каждый округ — на несколько волостей, которые управлялись уже на выборной основе, волости — на сельские общества, где избирались сельские старшины, сельские старосты, сборщики податей, смотрители хлебных магазинов, сотские, десятские и, наконец, члены сельских судебных расправ.

Возник большой и дорогостоящий судебный аппарат, в котором чиновник играл ту же роль, что и помещик в частновладельческой деревне. Сохранение в неизменности прежних крепостнических принципов давало многим современникам законное основание считать, что гнет чиновников не столь уж сильно отличается от гнета помещиков. Нельзя не признать, однако, что положение государственных крестьян всегда было лучше положения крестьян в деревне помещицкой. Новая же система управления позволила еще несколько улучшить их положение. Местные и центральные органы увеличивали наделы там, где они были

меньше установленных норм, занимались переселением государственных крестьян из центров аграрного перенаселения на окраины, где еще хватало свободных земель, улучшалась и регулировалась оброчная система, министерство стремилось перевести все натуральные повинности в денежные, тем самым стимулируя развитие рыночных отношений, строились школы, больницы, ветеринарные пункты, внедрялись прогрессивные формы ведения хозяйства.

Таким образом, хотя реформа и не внесла принципиальных изменений в положение государственных крестьян, она принадлежит все же к немногим удавшимся мероприятиям николаевского царствования. А П. Д. Киселев за свою деятельность в министерстве прочно завоевал в консервативной и реакционной части общества репутацию "красного".

Успех первой части "двуединой реформы" побудил Николая вскоре учредить еще один Секретный комитет — на этот раз с целью подготовки реформы помещичьей деревни. Комитет был создан в 1839 году. К тому времени крупные политические деятели первой четверти XIX века сошли уже в могилу, и в новом Комитете на первый план вышли деятели нынешнего царствования. Председателем Комитета был назначен И. В. Васильчиков, но было ясно, что не ему, а П. Д. Киселеву предназначена в нем ведущая роль. Назначение И. В. Васильчикова определялось не только его положением председателя Государственного совета и Комитета министров и предшествовавшей совместной работой с Киселевым в Комитете, готовившем реформу государственных крестьян. Немалую роль играли его личные дружеские отношения с императором. Он, как вспоминал М. А. Корф, был "человек, которого император Николай не только любил, но и чтит, как никого другого... которого он считал и называл своим другом". Кроме Киселева и Васильчикова в Комитет были включены: министр юстиции Д. Н. Блудов, управляющий Министерством внутренних дел А. Г. Строганов, глава I отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии А. С. Танеев, чиновник этого отделения В. Я. Ханыков и два члена Государственного совета — А. Ф. Орлов и П. А. Тучков.

Высочайшее повеление о создании Комитета возлагало на него достаточно определенные задачи. Комитету поручалось "сделать безотлагательно пересмотр закона об увольнении в вольные хлебопашцы" (закона 1803 г., не имевшего никаких практических результатов). Еще конкретнее — наметить такие новые условия, на которых помещики могли бы освобождать своих крестьян, "не стесняясь нынешним положением о свободных хлебопашцах, которое новым положением изменится".

Очевидно, что Комитет, по мысли Николая I, должен был заложить основы постепенно реализуемой реформы — теперь уже помещичьей деревни. Единственным условием, поставленным императором, была неприкосновенность помещичьей земельной собственности. И конечно, дело должно было вестись в строжайшей секретности.

Однако отчетливо выраженное намерение Николая I наметить спасительный для империи и вместе с тем не нарушающий экономических выгод помещиков путь освобождения крестьян и на этот раз не достигло успеха. Вся деятельность Комитета 1839 — 1842 годов — это история того, как консервативное большинство его членов, пользуясь тактикой пассивного сопротивления, критикой без позитивных предложений, сводило на нет любую программу, а вместе с ней и саму идею реформы. Но вместе с тем это и история того, как император, столь решительно поддержавший сначала проекты Киселева, шаг за шагом отступал от них, как только наталкивался на сопротивление им самим подобранной бюрократической элиты.

Основой для обсуждения в Комитете стала подготовка Киселевым записка с критикой указа о вольных хлебопашцах 1803 года, с предложениями по существу порученных Комитету вопросов. Работая над ней, Киселев опирался на тесный личный контакт с императором. Еще не закончив работу над своей запиской, Киселев представил Николаю I (13) февраля 1840 г. ее программу, озаглавленную: "О мерах правительства в отношении к крепостному состоянию". Составленная в достаточно общих выражениях, программа эта позволяла наполнить их потом любым

содержанием. Можно не сомневаться, что, прежде чем развернуть эту программу в свой проект, Киселев обсуждал будущее его содержание с царем. Это подтверждает, в частности, следующий факт. Завершив в марте 1840 года работу над проектом, Киселев сперва представил его при особом докладе царю, объясняя, что желает убедиться, имел ли он "счастье выразить вполне высочайшие намерения". Видимо, Киселев действительно считал необходимым повторно согласовать свой проект с Николаем I, и смысловое ударение на том, вполне ли удалось ему выразить мысли императора, не случайно.

Доклад Киселева царю от 18 марта 1840 г. позволяет понять предлагавшийся им механизм решения крестьянского вопроса. Он исходил из трезвого понимания крепостнических позиций основной массы помещиков и невозможности рассчитывать на их содействие постепенной ликвидации крепостного права. Поэтому предлагалось следующее: личное освобождение крестьян должно было производиться при регламентации верховной властью новых взаимоотношений крестьян с помещиками, стержнем его стало бы предоставление крестьянам земли за определенные повинности; предлагалась и целая система мер, которые стимулировали бы постепенный перевод большей части крестьян в свободные хлебопашцы.

Естественно было бы предположить, что все идеи Киселева, сформулированные и в программе будущей записки, и в докладе царю, найдут развернутое выражение в самой записке, представленной Николаю I вместе с докладом. Это, однако, было не так. План действий верховной власти, предложенный Киселевым, оставался известен лишь его автору и императору.

Какой же проект реформы был предложен Киселевым Комитету? Проанализировав историю крепостного права в России и опыт освобождения крестьян в других странах, он предложил способ освобождения, подобный использованному в Австрии и Дунайских княжествах. Принципами проекта были: отчуждение помещиками части их земельной собственности в пользование крестьянам и обязанность

последних компенсировать это трудами или денежным оброком, личная свобода крестьян, право на движимую собственность и право, выполнив обязанности в отношении помещика, "переходить в другое состояние или переселяться на другие свободные владельческие земли".

Главное значение проекта Киселева состояло в том, что государство не оставляло более на волю помещиков определение ни размеров крестьянского надела, ни формы и объема повинностей и создавало такие условия, которые принуждали помещиков следовать этому новому порядку. Однажды добровольно заключенные помещиком с крестьянами условия, и в том числе передача им большей части своей земли, не могли быть потом пересмотрены, так как земля поступала в пользование крестьянской общины. Таким образом, будь этот проект реализован, предлагаемый порядок стал бы основой переходного этапа к освобождению крестьян с землей.

18 марта записка и доклад Киселева были отправлены царю. "Читал с особенным вниманием и полным удовольствием, — писал Николай I, возвращая их в тот же день Киселеву, — начала, на коих основан проект, мне кажется, весьма справедливы и основательны. Я не нашел сделать ни одного замечания и разрешаю весть в Комитет". Естественно было бы ожидать, что Киселев, представляя записку в Комитет, ознакомит его и со своим докладом царю, и с его одобрительной резолюцией. Ведь это сразу подорвало бы позиции его противников. Но он этого не сделал. Тактика Киселева была сложнее.

В документе, предназначенном для Секретного комитета, он развертывал свою программу далеко не полностью. Идеи о мерах, которыми следовало заставить помещиков пойти по новому пути, и о самом механизме действия верховной власти Киселев развивал только перед царем, надеясь на его дальнейшую поддержку. Таким образом возникал еще один уровень секретности.

Поразительный, чисто российский парадокс! Обратившись к одному из самых жгучих вопросов русской действительности, правительство делало это втайне от общества, создав Секретный комитет. Но и этому узкому

комитету, состоявшему из высших сановников империи, не следовало знать об истинных планах царя и его ближайшего советника. Тактика Киселева состояла в том, чтобы на каждом уровне приоткрывать лишь определенную часть своей программы, в полном объеме согласовывая ее лишь с царем. Его одобрение было получено и на проект, и на способ его реализации. Комитету был представлен только проект, а механизм его осуществления был утаен. В проекте же Комитету предлагалось утаить от общества подлинный смысл готовящегося закона, выдав его просто за частичное развитие и дополнение указа 1803 года.

Изучение записки Киселева членами Комитета продолжалось без малого полгода, и Комитет, естественно, не заседал. Однако имевшие, по-видимому, место личные беседы Киселева с его членами, а также представленные частью из них письменные возражения заставили Киселева переработать проект, пойдя на значительные уступки консервативному большинству Комитета. Во-первых, ограничивалось право лично свободного крестьянина покинуть своего владельца, выполнив обязательства перед ним: по новому варианту для этого требовалось согласие помещика; во-вторых, вместо термина "вольные хлебопашцы", подразумевавшего владение хлебопашца землей, вводился термин "обязанные крестьяне"; наконец, перспектива личного освобождения всех помещичьих крестьян, пусть и в отдаленном будущем, составлявшая важный компонент программы, согласованной Киселевым с царем, была теперь исключена из проекта.

Представив в ноябре 1840 года этот новый вариант проекта, Киселев теперь уже надеялся достичь успеха ценою незначительных уступок. Между тем он принял некоторые организационные меры к сосредоточению в своих руках дальнейшей работы над готовившимся законодательным актом. Все делопроизводство Секретного комитета было передано в V отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, которым руководил сам Киселев. Очевидно, что это могло произойти только с согласия Николая I, и это доказывает, что он еще продолжал поддерживать программу Киселева, создавая благоприятные

условия для ее успеха в Комитете.

Но консервативные сановники пункт за пунктом устранили из проекта Киселева на каждом этапе освобождения все, что могло бы поставить реформу помещичьей деревни на практическую почву, настаивая на предоставлении помещику всех условий перевода крепостных крестьян в обязанные. Тем самым бесплодность будущего законодательного акта был предопределена.

Тактика пассивного сопротивления, примененная ими уже на следующем заседании 10 января, не дала принять конкретных результатов. Было решено только представить письменные мнения о главной статье проекта — о крестьянских наделах, правах и повинностях.

Итак, Киселеву не удалось добиться быстрого одобрения своей программы. Его противники, напротив, убедились, что могут сопротивляться этому проекту. Как видно из дальнейших событий, убедился в этом и Николай.

В представленных письменных мнениях члены Комитета единодушно возражали против регламентации правительством земельных наделов и повинностей крестьян. Но главную роль в изменении ситуации сыграла записка морского министра А. С. Меншикова, представлявшая одно из "мнений". Она содержала альтернативный проект. С этого момента одним принципам будущей реформы (наделение крестьян землей и определение властями объема их повинностей, общинное землепользование) были противопоставлены совсем другие (личное освобождение крестьян без земли и возможность для помещика договариваться с крестьянами без вмешательства правительства).

В сложившейся ситуации для Киселева возможны были два пути: либо добиваться одобрения своей программы, борясь и с позицией остальных членов Комитета, и с планом Меншикова, либо подчиниться большинству и, отстояв все, что возможно, общими силами покончить с губительным, по его мнению, планом Меншикова. Первый путь, однако, был реален, если бы Николай решился оказать открытое давление на Комитет. Такой поддержки не последовало, и Киселеву пришлось встать на путь

дальнейших уступок. В таком духе был составлен им в феврале 1841 года еще один, компромиссный, вариант проекта. Но к заседанию 28 февраля был подготовлен неожиданный сюрприз: И. В. Васильчиков огласил новое Высочайшее повеление. Оно явно противоречило Повелению 1839 года. Если тогда император призывал Комитет искать пути решения крестьянского вопроса, "не стесняясь нынешним положением о свободных хлебопашцах", то теперь, наоборот, подчеркивал, что порученные Комитету "занятия истекают из существа указа 1803 года". В Повелении было ясно заявлено, что император "как прежде не имел, так и ныне не имеет намерения дать когда-либо предполагаемому дополнению указа 1803 года силу обязательного закона" и "собственное желание помещиков" должно лечь в основу дополнения.

Это был решительный поворот в позиции Николая: такая гласная декларация царя имела двойной смысл. Ее прямое назначение заключалось в том, чтобы дать гарантии, которых добивались крепостники, а формулировки Повеления, предписывающие Комитету держаться существа указа 1803 года, позволяли большинству использовать его для дальнейшего урезания преобразований. С другой стороны, Повеление демонстрировало ограниченность поддержки Киселева императором.

Вынужденный при последнем обсуждении вносить в документ изменения, уводившие его все дальше и дальше от первоначальной программы освобождения крестьян, Киселев попытался закрепить за правительством хотя бы контроль за содержанием добровольных соглашений крестьян с помещиками, утвердив его за своим ведомством. Внеся в марте такое предложение в Комитет, Киселев одновременно представил царю "экстракт" из него, где гораздо яснее выражено недоверие к дворянству и обоснована необходимость не допустить тяжелых для крестьян условий, которые, несомненно, будут ставить помещики.

Откровенные формулировки в "экстракте" свидетельствуют о том, что Николай I продолжал оставаться в курсе тактики Киселева. Не находя

уже возможным открыто его поддерживать вопреки позиции большинства членов Комитета и всякий раз отступая перед ним, император вместе с тем не препятствовал попыткам Киселева удержать в готовящемся указе все, что возможно, из прежнего своего плана. Но сама эта двойственность, неопределенность поведения Николая предрешали победу реакционного большинства Комитета.

В итоге, завершая свою работу и готовясь представить царю проект указа и всеподданнейший доклад, Комитет сделал последний шаг к полному уничтожению первоначальных проектов (напомним — горячо одобренных Николаем): столь долго обсуждавшийся документ решено было превратить в министерскую инструкцию, совершенно необязательную даже как развитие указа 1803 г. Ясно, что к этому времени Киселев прекратил борьбу за осуществление своих намерений. Перед ним был единодушный Комитет, за ним — ничего.

Представляя императору подготовленные Комитетом документы, Васильчиков предлагал внести их на рассмотрение Государственного совета. Проект указа поступил в Совет 13 марта 1842 г. Примечательно, что, готовясь к обсуждению в последней инстанции указа даже в том резко измененном виде, до которого его довели в Секретном комитете, верховная власть не была уверена в беспрепятственном его утверждении. Поэтому Николай I счел нужным лично выступить на заседании 30 марта 1842 г. и официально заявить о своем отношении к проблеме.

Признав, что крепостное право есть очевидное зло, царь тем не менее тут же заявил, что "прикасаться к нему теперь было бы делом еще более губительным" и даже помысел об этом "в настоящую эпоху" был бы просто "преступным посягательством на общественное спокойствие и на благо государства". Успокоив таким образом преобладавших в Совете консерваторов, Николай перешел к аргументам в пользу предложенного указа, который он рассматривал как "дорогу к переходному состоянию".

Главные достоинства указа, по его мнению, состояли в том, что он продолжал прежнее законодательство, исключал отчуждение в пользу

крестьян земли и недвусмысленно заявлял, что "земля есть собственность не крестьян, которые на ней поселены, а помещиков". Для крестьян же выгода состояла в том, что они оставались "крепкими земле" и им не угрожало превращение в безземельных батраков.

Отражала ли речь Николая его истинные взгляды на крестьянский вопрос? Может быть, за время работы Комитета они действительно изменилась? Вряд ли это так. В этом проявилась лишь раз и навсегда избранная им линия поведения. Ведь и ранее, ведя далеко идущие интимные беседы с Киселевым, император в своих официальных заявлениях был крайне осторожен и ни в какой мере не связывал себя результатами этих частных бесед. Столкнувшись же с полным неприятием сановной бюрократией разработанных Киселевым планов решения крестьянского вопроса, он решительно примкнул к ее позиции. А так как, несмотря на всю секретность, слухи о каком-то готовящемся преобразовании все же разлетелись по стране, тревожа крепостническое большинство помещиков, то Николай, прекрасно помнивший о роли дворянства в решении вопроса о российском престоле в XVIII и начале XIX века, отступил вполне сознательно.

Заметим, однако, что прямого отказа от перспективы изменений в помещичьей деревне в речи императора тоже не было. И если учесть, что вплоть до 1848 года возникали новые Секретные комитеты, по частям занимавшиеся проблемой крепостного права, то можно утверждать, что Николай только в последние свои годы окончательно оставил мысль об изменении положения крепостных крестьян.

Внешняя политика

Приоритеты во внешней политике Российской империи Николай обозначил сразу же после своего вступления на престол. Для этого ему не требовалось много времени — после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов центр тяжести внешнеполитических усилий был перенесен с Запада на Восток. Османская империя явно клонилась к упадку, и казалось, что давняя мечта России — установить контроль над

Босфором и Дарданеллами, обеспечив тем самым свободный выход из внутреннего Черного моря, что, безусловно, отвечало экономическим интересам страны, — близка к осуществлению.

Принимая в начале 1826 г. европейских дипломатов, Николай I прямо заявил: "Брат мой завещал мне крайне важные дела, и самое важное из всех: восточное дело". И выдержав паузу, продолжил: "Я непременно должен положить скорый конец этому делу". Однако, хотя в продвижении России на Восток в царствование Николая I был достигнут ощутимый прогресс, полностью осуществить свои намерения ему так и не довелось. В этом стремлении России противостоял мощный соперник. Подчинив Индию, Англия была намерена продолжать распространять свое влияние все дальше и дальше, ведя активную политику на Ближнем Востоке и Кавказе.

В 20—е гг. Англия приобрела существенные преимущества в отношениях с Ираном. Этому способствовали крупные денежные суммы, которые английский посланник при шахском дворе Д. Макдональд, не смущаясь, выплачивал окружению шаха. Командующий русскими войсками на Кавказе А. П. Ермолов прямо писал Николаю, что "англичан прикрепляют к персиянам деньги, кои они большими суммами расточают между корыстолюбивыми министрами и вельможами, а сии, во зло употребляя слабость шаха, наклоняют его в их пользу...". Англичане вооружали иранскую армию, обучали солдат и провоцировали военный конфликт Ирана с Россией. Весной 1826 г. условием выплаты значительных субсидий, о которых шах давно просил англичан, стало начало военных действий против России.

Не устояв от соблазна и стремясь захватить Тифлис и вместе с ним всю Грузию, а далее овладеть Северным Азербайджаном, шах направил в глубь Закавказья 60-тысячную армию. Военные действия продолжались до начала 1828 г., когда русские войска приблизились непосредственно к Тегерану, одержав в ходе военных действий ряд убедительных побед над иранскими войсками.

10 февраля 1828 г. был подписан Туркманчайский мирный договор

(составленный, как известно, А. С. Грибоедовым, который позднее был убит в Тегеране). По этому договору Иран отказался от всех своих территориальных притязаний и признал, что территория Восточной Армении, занятая русскими войсками, отныне принадлежит России.

Окрыленный успехом, Николай решился на следующий завоевательный шаг, начав войну с Турцией. Оттоманская империя сама дала повод для этого, расторгнув в одностороннем порядке все ранее заключенные договоры с Россией. Николай рискнул вступить в конфликт с Англией, Австрией и Францией, которые, конечно, резко протестовали против односторонних действий России, опасаясь быстрого разгрома Турции. Однако война затянулась. В 1828 г. не удалось, как планировалось, овладеть Константинополем, и России пришлось выдержать серьезный дипломатический натиск своих европейских партнеров, не на шутку встревоженных возможностью того, что Россия одна будет решать судьбу Турции. Однако внутренние противоречия между европейскими государствами оказались слишком сильными, и антироссийская коалиция, к чему так стремился Меттерних, не состоялась.

В 1829 г. военные действия были продолжены весьма успешно. К концу лета русские войска овладели Адрианополем и остановились в 60 километрах от Константинополя.

Встал вопрос о том, что делать дальше. Был создан специальный Секретный комитет, который после долгого обсуждения пришел к выводу, что выгоды сохранения Оттоманской империи в Европе превышают его невыгоды. Николай не решился захватить Константинополь, опасаясь окончательно испортить отношения с Англией, Австрией и Францией. 2 сентября 1829 г. в Адрианополе был подписан мирный договор, по которому Россия получила дельту Дуная и все морское побережье Кавказа от Анапы до Поти, включая Абхазию и Менгрелию, а также Ахалцихскую область. Были расширены автономия Сербии, Валахии и Молдавии, а также Греции, через полгода вообще ставшей независимым государством. Но даже эти довольно скромные результаты победы вызвали раздражение в Европе. Англия грозила

разрывом дипломатических отношений, а Меттерних назвал Адрианопольский мир "несчастьем".

Вершиной дипломатических успехов Николая I на Ближнем Востоке стало подписанное в 1833 году Ункяр-Искелесского договора с Турцией, подготовка которого велась в строжайшей тайне. По этому договору Россия и Турция становились союзниками, а главное, согласно секретной статье договора, Турция обязывалась закрыть проход через Дарданеллы для всех иностранных военных кораблей. Одновременно были подтверждены все положения Адрианопольского договора. Политика России в отношении европейских дел носила охранительный консервативный характер. Николай с маниакальным упорством пытался не допустить разрыва Священного союза, видя в нем гарантию сохранения статус-кво и верное средство борьбы с революционной угрозой. Однако время изменилось, и Николай не встречал понимания европейских политиков. Они готовы были бороться с революционной "заразой", однако вовсе не хотели ради этого признать главенство России на Европейском континенте. Николай раз за разом предлагал использовать русскую армию для подавления революционных выступлений и неизменно получал отказ. Лишь революция 1848-1849 гг. заставила воспользоваться услугами российского императора. Один из министров описал характерную реакцию Николая I на известие о революции в Париже и о свержении Луи-Филиппа. В этот момент император был на балу. Он дал знак умолкнуть музыке и, обращаясь к гвардейским офицерам, воскликнул: "Господа, седлайте коней; во Франции провозглашена республика". Седлать коней действительно пришлось, но не для восстановления монархии во Франции, а для помощи Австрии. В 1849 г. русский экспедиционный корпус участвовал в подавлении восстания в Венгрии. Известно, каким ударом для Николая I было вероломство Австрии, когда вместо благодарности она во время Крымской войны открыто поддержала Англию и Францию, начавших военные действия против России.

Политика "европейского жандарма", которую настойчиво пытался

проводить Николай I, не принесла России ощутимых успехов. Более того, к концу царствования Николая она оказалась в прочной изоляции на международной арене.

Николаевская Россия глазами иностранцев

Что же представляла собой тогда Россия, под властной рукой Николая превратившаяся в военно-бюрократическую империю? Современники оставили множество свидетельств об этом. Но, пожалуй, самую яркую картину нарисовал не наш соотечественник, а наблюдательный иностранец. В 1839 году в России побывал французский аристократ, известный путешественник и писатель маркиз де Кюстин. Его книга "Россия в 1839 году", вышедшая в свет четырьмя годами позднее, стала сенсацией. Успех ее в Западной Европе был ошеломляющим.

К 1854 году тираж многочисленных изданий этой книги на разных языках достиг почти 200 тысяч экземпляров. В России книга де Кюстина была запрещена. По словам Герцена, автор "оскорбительно много видел". Герцен справедливо считал, что сочинение Кюстина — "самая замечательная и умная книга, написанная о России иностранцем".

Едва де Кюстин пересек русскую границу, первое же столкновение с российскими чиновниками сразу дало ему представление и о характере строя не известной ему до тех пор страны, и о царящих в ней нравах. У де Кюстина отобрали книги — почти все, без разбора, без смысла.

"Столько мельчайших предосторожностей, — писал де Кюстин, — которые считались здесь, очевидно, необходимыми и которые нигде более не встречались, ясно свидетельствовали о том, что мы вступаем в империю, объятую одним лишь чувством страха, а страх ведь неразрывно связан с печалью". У де Кюстина требовали ответов на вопросы, на которые он уже давал раньше письменные ответы, и чиновник никак не мог поверить, что можно ехать в Россию без всякой корыстной цели.

"— Значит, вы путешествуете исключительно из одной любознательности?"

— Да.

— Но почему вы направились для этого именно в Россию?

— Не знаю..."

Кажется, мелочь, но она превращалась в символ огромной и бессмысленной бюрократической машины, во власти которой, как довольно скоро уловил де Кюстин, находится вся страна. "Россией управляет класс чиновников, — уверенно заявлял он, немного оглядевшись и вкусив первые плоды петербургской жизни. — Из недр своих канцелярий эти невидимые деспоты, эти пигмеи-тираны безнаказанно угнетают страну". Сложившаяся система настолько могущественна, пронизательно замечает де Кюстин, что даже сам император в значительной степени находится в руках бюрократов. "И, как это ни парадоксально звучит, самодержец всероссийский часто замечает, что он вовсе не так всемогущ, как говорят, и с удивлением, в котором он боится сам себе признаться, видит, что власть его имеет предел. Этот предел положен ему бюрократией, силой страшной повсюду, потому что злоупотребление ею именуется любовью к порядку, но особенно страшной в России". Можно только удивляться прозорливости де Кюстина, не знавшего, конечно, всех перипетий только что рассмотренной нами неудачной попытки решения крестьянского вопроса, но чутко уловившего одну из главных черт николаевской системы — всемогущие бюрократии.

Другой основополагающий элемент системы, точно и беспощадно подмеченный де Кюстином, — отсутствие в России эпохи Николая I свободы. "Все здесь есть, — саркастически восклицал он, — не хватает только свободы, то есть жизни". Но можно ли говорить о свободе в стране, больше похожей на казарму, чем на нормальное место для жизни? "Русский государственный строй, — подводил итог своим наблюдениям де Кюстин, — это строгая военная дисциплина вместо гражданского управления, это перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства". Его не могли обмануть рассказы крепостников о благодетельности крепостного права для русских крестьян. "Не верьте медоточивым господам, — писал он, —

уверяющим вас, что русские крепостные — счастливейшие крестьяне на свете, не верьте им, они вас обманывают. Много крестьян в отдаленных губерниях голодают, многие погибают от нищеты и жестокого обращения. Все страдают в России, но люди, которыми торгуют, как вещами, страдают больше всех".

Но во имя чего, спрашивал себя де Кюстин, приносятся все эти жертвы? Отказ от свободы, преимущества которой перед деспотизмом были столь очевидны, мог диктоваться только какой-то скрытой целью. Такой целью, как полагал де Кюстин, было стремление к мировому господству. "Русский народ, — писал он, — теперь ни к чему не способен, кроме покорения мира. Мысль моя постоянно возвращается к этому, потому что никакой другой целью нельзя объяснить безмерные жертвы, приносимые государством и отдельными членами общества. Очевидно, народ пожертвовал своей свободой во имя победы. Без этой задней мысли, которой люди повинуются, быть может, бессознательно, история России представлялась бы неразрешимой загадкой".

Отвращение к увиденному в николаевской России, абсолютное неприятие самодержавия во всех его проявлениях были столь велики, что, заканчивая книгу, де Кюстин обращался к своим соотечественникам: "Когда ваши дети вздумают роптать на Францию, прошу вас, воспользуйтесь моим рецептом, скажите им: поезжайте в Россию!... Каждый, близко познакомившийся с царской Россией, будет рад жить в какой угодно другой стране. Всегда полезно знать, что существует на свете государство, в котором немисливо счастье, ибо по самой своей природе человек не может быть счастлив без свободы". Горькие, но очень справедливые слова.

В одном де Кюстин был не прав. Россия времен Николая I не стремилась к мировому господству. Этого не было. Роль жандарма Европы, которую пытался играть российский император, отнюдь не тождественна роли властелина мира. Но система действительно зиждилась на рабстве и насилии.

Мир менялся. В России же стремились только закрепить и упрочить то,

что было. И действительно, в этом Николай много преуспел. Особенно если брать внешнюю сторону дела.

Бюрократический механизм отлично работал: николаевское делопроизводство не сравнить с делопроизводством прежних времен. Бумаги исправно переходили из канцелярии в канцелярию. Армия блистала на смотрах. Огромный чиновничий аппарат располагался в новых, специально построенных лучшими архитекторами правительственных зданиях.

Но чем дальше, тем яснее становилась современникам бесплодность действий императора. В 40-х годах его уже не сравнивали с Петром. Ясно, что Россия не получила нового великого реформатора. "Что за странный этот правитель, — писала о нем жена министра иностранных дел графиня М. Д. Нессельроде, — он вспахивает свое обширное государство и никакими плодородными семенами его не засекает". С годами усталость и разочарование стал ощущать и сам Николай. А. О. Смирнова-Россет записала в своем дневнике 5 марта 1845 г.: "Государь без императрицы, которой на зиму врачи рекомендуют уезжать в Италию, грустит и одинок. Занимается один целыми часами. Это все имеет влияние на других. Государь сказал мне: „Вот скоро двадцать лет, как я сижу на этом прекрасном местечке. Часто удаются такие дни, что я, смотря на небо, говорю: зачем я не там? Я так устал..." Он работал все больше и больше, а результаты были все плачевнее и плачевнее.

Реакция

Таким его застала революция 1848 г. Началось последнее, "мрачное", семилетие царствования Николая. В полном великолепии и действенности проявилась его роль жандарма Европы. Сначала в западные губернии была стянута 300-тысячная армия, которая в любой момент была готова двинуться на подавление революций в Пруссию, Австрию или Францию. В 1849 г. этому суждено было осуществиться — русские войска совершили Венгерский поход, подавив революцию в Венгрии и обеспечив династии Габсбургов существование еще на 60 с

лишним лет.

Угроза революционного взрыва заставила Николая открыто встать на путь реакции. Теперь он уже публично отрекается от своих прежних намерений постепенно идти к освобождению крестьян. Принимая дворян одной из губерний, Николай счел нужным заявить: "Некоторые лица приписывали мне по сему предмету самые нелепые и безрассудные мысли и намерения. Я их отвергаю с негодованием".

Цензурный гнет достигает в эти годы своего апогея. Россия решительно отгораживается от всего цивилизованного мира. Создается чрезвычайный орган, так называемый Бутурлинский комитет, который просматривает уже пропущенные цензурой издания. Носятся слухи о возможном закрытии университетов, и даже скромную статью С. С. Уварова в защиту университетского образования Николай объявил "неприличной", отправив министра в отставку. "Варварство торжествует там дикую победу над умом человеческим", — записал о тогдашнем состоянии России в своем дневнике известный либеральный цензор А. В. Никитенко.

Но долго так продолжаться не могло. Крах системы с особенной силой проявился в поражении России в Крымской войне. Сама эта война была не чем иным, как попыткой уверенного в своем могуществе Николая I воспользоваться слабостью Турции, захватить стратегически важные для России территории и утвердить свое господство над черноморскими проливами.

На стороне Турции выступили тогда Англия и Франция, что не оставило России никаких шансов на успех. За всю историю нового и новейшего времени Россия не терпела столь крупного и постыдного поражения. Огромная страна, обладавшая самой крупной в Европе армией, не смогла справиться с 60-тысячным экспедиционным корпусом, высадившимся в Крыму. А ведь всего за несколько лет до этого, в 1850 г., с небывалой пышностью праздновалось 25-летие "благополучного царствования".

В представленных по этому случаю всеподданнейших отчетах всех основных министерств и ведомств доказывалось, что "положение России

и ее монарха никогда еще, с самого 1841 г., не было более славно и могущественно". На бумаге система выглядела безупречной. В действительности же, как писал П. А. Валуев в 1855 году в записке "Дума русского", передававшейся из рук в руки всей читающей Россией, оказалось, что "сверху блеск, а снизу гниль".

События Крымской войны стали тяжелейшим испытанием для самого Николая. Он искренне верил, что созданная им система идеальна и приносит России только благо. Когда же выяснилось, что ни армия, которой он так гордился, ни флот не в состоянии защитить Отечество от неприятеля, он просто не смог перенести очевидного краха.

"Угнетение, которое он оказывал, не было угнетением произвола, каприза, страсти; это был самый худший вид угнетения, — писала А. Ф. Тютчева, — угнетение систематическое, обдуманное, самодовлекующее, убежденное в том, что оно может и должно распространяться не только на внешние формы управления страной, но и на частную жизнь народа, на его мысль, его совесть и что оно имеет право из великой нации сделать автомат, механизм которого находился бы в руках владыки. „...“ И вот когда наступил час испытания, вся блестящая фантасмагория этого величественного царствования рассеялась как дым. „...“ В короткий срок полутора лет несчастный император увидел, как под ним рушились подмостки того иллюзорного величия, на которые он воображал, что поднял Россию".

Смерть

Даже железное здоровье Николая не могло выдержать свалившейся на него беды, и 18 февраля 1855 г. после двухнедельной болезни он скончался. Александр Николаевич записал в этот день в своем дневнике: "Мандт (лейб-медик Николая. — С. М.) за мной. Государь спросил Бажанова. Причастился при нас всех. Голова совсем свежая. Удушье. Сильные мучения. Прощается со всеми — с детьми, с прочими. Я на коленях, держу руку. Жал ее. К концу чувствуется холод. В 1/4 1-го все кончено. Последние ужасные мучения". "Незадолго перед концом к

императору вернулась речь, — передавала Тютчева рассказ жены наследника, — которая, казалось, совершенно покинула его, и одна из его последних фраз, обращенных к наследнику, была: „Держи все — держи все“. Эти слова сопровождались энергичным жестом руки, обозначавшим, что держать нужно крепко".

По Петербургу вскоре поползли слухи, что император покончил с собой или отравлен. Добролюбов, тогда еще совсем молодой студент, записал в своем дневнике: "Разнеслись слухи о том, что царь отравлен, что оттого и не хотели бальзамировать по прежнему способу, при котором, взрезавши труп, нашли бы яд во внутренностях, что потому и не показывали народу лицо царя во все время, пока он стоял в Зимнем дворце".

В пользу версии о самоубийстве как бы говорит откровенно подавленное состояние императора в последние месяцы перед смертью. Близкие часто видели, как ночами царь "клат земные поклоны перед церковью", а в кабинете "плакал как ребенок при получении каждой плохой вести". П. Д. Киселев вспоминал, что в последние месяцы император "утомлялся и сколько ни желал преодолеть душевное беспокойство, оно выражалось на лице его более, чем в речах, которые при рассказе о самых горестных событиях заключались одним обычным возгласом: „Твори, Бог, волю свою!“ Незадолго до смерти он отказался выслушать письмо от младших сыновей Михаила и Николая, бывших в Крыму. „Здоровы ли они? — спросил он и продолжил: — Остальное меня не касается“. Однако тяжелое душевное состояние вовсе не доказывает еще версии о самоубийстве. Записи в дневнике Александра Николаевича показывают, что зимой 1855 г. в Петербурге была сильная эпидемия гриппа. Болели, и тяжело, почти все в окружении Николая. Вернее всего, что грипп, перешедший в воспаление легких, и стал причиной его смерти.

Слухи о самоубийстве Николая I неожиданно получили некоторое подтверждение в начале XX в. В 1914 г. в журнале "Голос минувшего" были опубликованы воспоминания внука З. В. Пеликана, во времена Николая I бывшего председателем Военно-медицинского комитета, директором медицинского департамента военного министерства и

президентом Медико-хирургической академии. "По словам деда, — утверждал Д. Пеликан, — Мандт дал желавшему во что бы то ни стало покончить с собой царю яду. Обстоятельства эти были хорошо известны деду благодаря близости к Мандту". Внук и его товарищи, студенты-медики, осуждали поступок Мандта как недостойный врача. В. В. Пеликан отвечал им, что император "нашел бы иной способ покончить с собой и, возможно, более заметный".

Можно ли безоговорочно поверить этому свидетельству? Вероятнее всего, нет. Очевидно все же, что вопрос о причинах смерти Николая требует дальнейшего изучения.

Умирая, Николай говорил своему наследнику: "Сдаю тебе мою команду, к сожалению, не в том порядке, как желал, оставляя много хлопот и забот". Таким горьким признанием завершилось его тридцатилетнее царствование.